



ИСТОРИИ МЕЧТАТЕЛЕЙ

ЧЕЛОВЕК И КОСМОС

Сергей Лысков

16+

Сергей Лысков

**Истории мечтателей.
Человек и космос**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Лысков С. Г.

Истории мечтателей. Человек и космос / С. Г. Лысков —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-06606-9

История колонизации Марса и освоения космоса. Путь человечества в
поисках нового дома.

ISBN 978-5-532-06606-9

© Лысков С. Г., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава первая. Братья Ромовы	5
Золото Багдада	5
Монета	12
«Альфа» и «Омега»	20
Глава вторая. Город в песках	36
Цвет Марса	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Глава первая. Братья Ромовы

Золото Багдада

2205 ГОД. ЗЕМЛЯ

Уже час двое ученых летели в сторону Уральских гор. Четыре года назад председатель мирового правительства Стив Мору объединил две научные лаборатории. Японский ученый Эмиро Сунн, руководитель научного центра по изучению электромагнитных процессов, и его русский коллега Александр Ромов, создатель ракетоносителей, на гибридном топливе, объединившись, дали толчок развитию космонавтики. Мировое правительство поставило цель: создать первый межпланетный крейсер на электромагнитном двигателе, способный добраться до любой планеты или ее спутника в Солнечной системе. И надо заметить, что тандем мудрого наставника в лице Эмиро Сунна и голодного до открытий и славы молодого Александра Ромова уже через два года дал неплохие результаты. Первый космический крейсер был создан, оставалось малое – дать ему имя. И, как выразился Эмиро, именно поэтому они летели куда-то на Урал.

– Можно вопрос, Эмиро Сунн? – чуть смущенно спросил Александр.

– Как я назову крейсер? – улыбаясь, ответил седовласый японец.

– Ну, правда! – настаивал Александр. – У нас в НИИ даже ставки делают, какое у корабля будет имя.

– Ты это серьезно?

– Лидеры: «Звезда», «Первый», «Эмиро», – перечислил Александр.

– «Астра», – неожиданно произнес Эмиро Сунн. – И так как эта электромагнитная модель шестая по счету, то корабль будет носить имя «Астра-6».

Александр опешил от неожиданности: такая интрига и такое нелогичное название. Но, зная коллегу, Ромов на сто процентов был уверен, что в имени скрыт глубокий и знаковый смысл.

– На вот, прочти, – сказал Эмиро Сунн и протянул электронный лист. – Я написал этот рассказ десять лет назад, но материалы по крупицам собирал всю жизнь. Это мой первый и, пожалуй, последний рассказ.

Открывать новую грань наставника вот так, в салоне летящего автомобиля, на пути к могиле русского изобретателя крайне неожиданное дело. Но, взяв в руки электронную бумагу, Ромов начал читать.

«Золото Багдада, или Сны сбываются по понедельникам», автор Эмиро Сунн

Проснувшись ночью, Дмитрий Астров, коснулся покрытого потом лба. Руки тряслись, а губы дрожали от увиденного во сне. В голове как в кино проносились яркие картинки. Луна мягко освещала спальную комнату. Он посмотрел на спящую супругу и прошептал:

– Я потеряю ноги.

– Что? – сквозь сон спросила Оксана.

Она тут же включила ночник, опасаясь, что мужу нездоровится. Но в голубых глазах Дмитрия блеснул загадочный огонек. Длинные русые волосы, гладко выбритые щеки, прямой нос, тонкие губы, застывшие в улыбке, он сидел и смотрел в одну точку, загадочно улыбаясь.

– Мне сон приснился, – стал объяснять Дмитрий. – Я в аварию попаду, ноги потеряю...

– Дим, ты так спокойно об этом говоришь?

– Ну, это же сон. Да и сегодня понедельник, а не четверг.

– А при чем тут четверг? – раздраженно спросила Оксана.

– Вещие сны снятся с четверга на пятницу.

- Полный бред! Как вообще можно верить в такие вещи?
- Ты меня не бросишь, если я стану инвалидом?
- Не говори чушь! – Оксана отвернулась. – Мне неприятно это слышать!
- Бросишь?
- Дим, ты сам говорил, что сон не вещий и у тебя всё нормально с ногами. Что ты хочешь от меня услышать?
- Так «да» или «нет»?
- Почему я должна тебя бросить?
- Ты не ответила!
- Нет! – сквозь зубы процедила она, показывая недовольство столь пристрастным допросом.
- Спасибо, – Дмитрий, повернулся на другой бок. – А я ведь видел, что будет именно так.
- Прости, что?
- Да так, мысли вслух. Давай спать, – предложил он и уже через пару минут уснул как ни в чем не бывало.

Через полгода, возвращаясь со свадьбы друзей они попали в аварию. На повороте их выбросило на обочину. Оксана не пострадала, отделавшись царапинами, но её муж получил травму позвоночника, что вызвало потерю чувствительности ног. Неудачные реабилитационные мероприятия только прибавляли отчаянья, именно тогда он и сломался, попросил забрать домой. Оксана прожила с ним таким год и ушла без объяснений. Дмитрий начал пить, пропивая пенсию по инвалидности. Медленно, но верно молодой ученый Дмитрий проваливался в алкогольный ад. Попойки, собутыльники, все способствовало грядущей трагедии. И, однажды уснув возле батареи отопления, он получил ожоги ступней. К лечению Дмитрий отнесся наплевательски и получил гангрену. Ноги отрезали выше колен, и тут, к удивлению врачей, вернулась чувствительность. На скорую руку он смастерил деревянные наконечники, утешая себя, что это временная мера, а если честно, в таком виде больше подавали милостыню. День за днём, смывая алкоголем прошлую жизнь, он ждал конца, который не хотел наступать.

– За что? – хрипя в пьяном угаре, однажды закричал он. – Почему ты мучаешь меня? Разве это жизнь? Разве это то, что я видел во сне?

В том сне он потерял ноги, а после в чудаковатых протезах стоял на огромном стадионе перед беговой дорожкой для прыжков в длину. И вроде бы часть сна сбылась – ноги он потерял, но вот вторая половина казалась такой нелепой, особенно в те минуты, когда пьяный инвалид обмочившись лежал на грязном полу, закрыв лицо руками то ли от стыда, то ли от ненависти к миру.

– За что? – снова прокричал он и с силой ударил кулаком по серванту, с которого посыпались бутылки, зеркало, магнетики, что они собирали с Оксаной, путешествуя по стране.

Подняв один из упавших магнетиков и облокотившись на кресло, он вспомнил, как они покупали этот сувенир в маленьком городишке на юге страны, торгуясь с темпераментным продавцом. В итоге гипсового зайца им подарили просто так, в качестве бонуса за купленные фрукты. От злости он швырнул поделку в кучу других сувениров, и тот разлетелся на маленькие кусочки. Магнитная сердцевина, что была приклеена к гипсовому зайцу, встретившись в полете с похожей пластинкой, сделала кульбит и отлетела в сторону. Дима протянул руку и пододвинул один магнит к другому: тот медленно отодвинулся. Банальный закон физики, но именно в тот миг он понял, как именно он совершит тот прыжок из сна.

В детстве, узнав, что в космосе отсутствует гравитация, а нас держит магнитное поле Земли, он заразился идеей создать супермагнит, способный регулировать процесс отталкивания от поверхности Земли. Эта идея казалась такой гениальной и простой, всего-то надо вычислить силу магнитного поля Земли и создать противоположный источник. Тогда ему не

хватало знаний для реализации проекта, а с годами он всё дальше и дальше отдалялся от мечты. Ему казалось: раз это так просто, то почему люди летают в космос на ракетах? Люди же не дураки! Потом был физмат, научная степень, и, чем дальше он погружался в дебри науки, тем тверже было убеждение в невозможности создания кратковременного электромагнитного поля с регулируемым отталкиванием. И вот теперь, на дне пропасти, эта нелепая мечта стала лестницей вверх, к звездам, правда, нужно потрудиться. Но сначала решить материальные проблемы, вспоминая слова отца: «всё, что решается за деньги, это не проблемы, а только растраты», Дмитрий, не задумываясь, продал квартиру и оснастил новую лабораторию необходимой техникой.

– Димон, когда всё продашь, где жить будешь? – держа в руках документы на квартиру, спросил Сергей.

– На даче, – сидя в инвалидной коляске, ответил Дмитрий. – Где подписать?

– Хорошая квартира, зря ты ее продаешь, как другу говорю, – Сергей пытался отговорить Дмитрия. – Родительский дом как-никак. Отец твой, царство ему небесное, столько сил в нее вложил.

– Серега, решено, мне деньги нужны.

– Зачем так много? В центре города – двухкомнатная квартира, ты можешь одну комнату сдавать и жить, как у Христа за пазухой.

– Тебе этого не понять, – ответил Дмитрий и подписал документ о продаже.

– И все же? – пряча бумаги в папку, спросил Сергей.

– К звездам хочу!

– Каким, на хрен, звездам?

– Марс, Венера, Юпитер!

– Очнись, Димка! Ты уже не ребенок! Невозможно изобрести вечный двигатель. Ты вырос, Дима, ты уже взрослый, очнись! Те детские шалости закончились, это была просто игра. Наша деревянная ракета даже со всеми магнитами города не взлетела бы и на миллиметр, и дело не в том, что ее сожгли пацаны с Брода, она бы не полетела, Дима! Это невозможно! Это реальная, жестокая жизнь, в которой безумные детские мечты неосуществимы, – на секунду Сергей остановился, посмотрев в глаза Дмитрию. – И, кстати, твои Марс, Венера, Юпитер – это не звезды, а планеты, – иронично подметил он. – Уж поверь мне, человеку с дипломом астрофизика.

– Для меня это звезды, и я там буду, астроном из прошлого.

На даче Астров создал полноценную лабораторию. С каждым днем он медленно, но верно приближался к цели, и потихоньку все задуманное приобретало форму.

– Ваше здоровье, Валентина Николаевна, – Дима поднял бокал с янтарного цвета жидкостью, пахнувшей ячменем. – Кто бы мог подумать, что ваши лекции по физике мне пригодятся, Трынделка, – он как-то по-особенному, с уважением, произнес последнее слово.

И тут же вспомнились нудные лекции по основам физики и то, как Валентина Николаевна три шкуры сдирала во время сессии. Дмитрий в зачетке имел «четверку» по физике, хотя эта «четверка» стала бы «шестеркой» у любого другого преподавателя. Валентина Николаевна любила говорить: «Физику на «пять» знаю только я и Эйнштейн, ваша участь – все, что ниже».

Дима в тот день праздновал окончание теоретической части вечного электромагнитного двигателя. В теории он рассчитывал создать поле, противоположное земному, другими словами: два магнита из детства, которые, как бы ни хотел, не притягивались, а отталкивались друг от друга. Одним из таких магнитов собирался стать сам Дмитрий, точнее, его установка, а другим была бы Земля. Конечно, речь шла о кратковременном и контролируемом включении магнитного поля, дабы попросту не улететь на пару десятков метров в небо.

Фантастика, скажете? Но через пять лет работы и опытов он создал портативный электромагнитный протез, который, надо заметить, работал. Он позволял ему с легкостью левитировать, а при желании подниматься на пару метров вверх.

Серые краски уходящей зимы разбавляли зеленый оттенок. Десятки, сотни, тысячи – от ярко-зеленого до чуть различимого бледного, и в каждой капельке детского задора, старческого опыта, юношеского безрассудства, зрелого смирения. Зеленые вестники весны пробивались сквозь деревья, асфальт, кирпичи, бетон, и, казалось, даже через металл. Травинки, как острые ножи, раздирали преграды на пути к солнцу. Одним словом, весна!

– Геля, сходи в магазин, купи хлеба, – увидев подходящего к ним мужчину, сказала женщина, а затем трясущимися руками достала деньги из сумочки. – Купи хлеба папе.

– Только хлеба, мам?

– Да беги быстрее, – проводив дочку, Оксана встретила взглядом с Дмитрием. – Привет.

– Я же говорил, что потеряю ноги, – ответил он. – Привет. Красивая прическа.

– Спасибо. Как ты, Дима?

– Как видишь.

– Ты прости меня, что ушла, я просто испугалась... некрасиво вышло. Прости.

– Да ладно. Я всё понимаю и не держу зла. Я знал, что ты уйдешь. Не потому что разлюбишь, просто испугаешься жить с инвалидом.

– Ты хотел что-то, или просто так?

– Просто так, Оксана, просто так.

Дмитрий замолчал, держа в руках спортивную сумку. А Оксана, нервничая, переминалась с ноги на ногу. Возникла неловкая пауза. Дмитрий столько раз прокручивал в голове эту сцену, а теперь не мог найти и двух слов, чтобы прервать молчание.

– Я на Олимпиаду еду.

– Здорово! Поздравляю.

– Как спортсмен еду, буду представлять страну в параолимпийской сборной.

– Береги себя.

– Думаешь, стоит?

– Мне пора, – заметив дочку с булкой хлеба, сказала Оксана, – Муж будет волноваться.

– Да конечно. Ты прости, что вот так без спросу подкараулил на улице. До свидания, Оксана.

– Прощай, – ответила она и пошла навстречу дочке.

Дмитрий проводил её взглядом, понимая, что время, когда они были вместе – позади. А впереди его ждал прыжок в историю.

Вы бывали в Багдаде?

В городе Востока, где пахнет песком и древностью, несмотря на современные высотки и индустриальный центр. Сколько войн, потрясений, завоеваний пережил древний город. Народы, по воле горожан или против нее, оставляли следы в истории Багдада. Эти стены и дороги видели многое, пожалуй, только Олимпийских игр не было на их памяти, но усилиями политиков Востока и местных жителей Олимпийский комитет одобрил проведение очередных игр в одном из самых древних городов Земли. Все хорошее быстротечно, и на двадцать первый день огонь погас. Лучшее закрытие игр за тысячелетие! Кстати, впервые со времен проведения игр в мире остановили военные конфликты – такой приятный рекорд для человечества. Огонь потушен, миллиарды надежд, миллионы разочарований, десятки побед, сотни награжденных – все это уже история, записанная в новостных выпусках, специальных репортажах и на любительских камерах... Огонь потушен.

Да здравствуют паралимпийские игры в Багдаде! И все началось заново: огонь зажгли, и мир снова прикован к играм человечества. В глазах паралимпийцев азарт сильнее, чем у предшественников, они не ищут победы и славы: для них победа – само участие. А игры – смысл существования и борьбы, в которую вогнал их недуг.

«В сектор для прыжков в длину к первой попытке подошел участник из России Дмитрий Астров, у него вместо ног протезы собственного производства. Он молится перед прыжком... Разбег... Невероятно!!! За десять метров, это новый мировой рекорд! Подождите, я сейчас уточню... Да, так оно и есть – мировой рекорд с первой попытки! Невероятно! Стадион встал, просто потрясающее зрелище! Он прыгнул на двух алюминиевых протезах... как мне сообщают помощники – одиннадцать метров пятьдесят девять сантиметров, запредельная цифра!!! И это медаль, как минимум...» – восхищенно вел репортаж диктор на стадионе.

Успешная попытка Астрова мгновенно влюбила болельщиков в русского атлета, а за второй попыткой, затаив дыхание, следил уже весь стадион. Дмитрий Астров задал темп, который не смог поддержать ни один из спортсменов. Прыжок. Ошеломительный результат за пятнадцать метров. Стадион стоя аплодировал, провожая Дмитрия к сектору для отдыха.

– Это нечто фантастическое! Атлет из России бьет мировой рекорд по прыжкам в длину среди полноценных спортсменов! – в неистовстве кричал диктор, потрясенный происходящим на арене Олимпийского стадиона. – Пойдите, пойдите, кажется, атлет хромает. Может, у него травма, протез неисправен? У меня есть информация, что атлет использует протезы собственного производства. Вы знаете, я думаю, после такого триумфального выступления за его протезами выстроится очередь... Точно, нам показывают крупным планом атлета, и видно, как он хромает. На его лице – страдание, причиняемое болью. Что-то пошло не так! Как жаль, что атлет не может сейчас дать интервью, его выступление – это сенсация паралимпийских игр Багдада, – диктор взхлеб комментировал происходящее. – Весь стадион ждет, будет ли третья попытка атлета. И вот Дмитрий Астров выходит к беговой дорожке... Гробовая тишина... Стадион стоя ожидает прыжка. Кажется, все атлеты замерли... Разбег... О, Бог ты мой, он... он... – голос диктора задрожал. – Он упал! Астров лежит без движения. Это... это ужасно! Простите, мы прервемся на пару минут.

По телевидению пошла реклама, а на стадионе к атлету подбежали медики, но шансов выжить у человека, взмывшего на тридцать один метр, были призрачными. Он умер от перелома позвоночника и множественных травм, полученных при падении. Портативный электромагнитный протез закоротило, и Дмитрия как пушинку подкинуло вверх, со стороны это выглядело как прыжок. Вышло цинично, но попытку засчитали и золотую медаль вручили посмертно. По протоколу соревнований атлет Дмитрий Астров прыгнул в третьей попытке на тридцать два метра.

* * *

Александр оторвал глаза от электронной бумаги и посмотрел на мудрого учителя.

– Ну как? – улыбнувшись, спросил Эмиро.

– Я так понимаю, что случай с прыжком Дмитрия Астрова был на самом деле, а Дмитрий – реально существовавший человек, – потрясенный историей, спросил Ромов.

– Всё реально: автокатастрофа, друг – покупатель квартиры, алкоголизм, затворничество, – всё истина, – ответил Эмиро. – А прыжок я видел собственными глазами. Шестьдесят лет тому назад я – десятилетний парнишка – тайком попал на стадион. Отец вел съемки, а я прятался в нижнем отсеке робота-оператора. Так сильно хотелось увидеть живую происходящее на Олимпиаде! Невероятно! Я видел взгляд спортсмена. Он не боялся, когда шел на третью попытку, и это не был несчастный случай, это поступок. Он хотел показать миру, что смог придумать нечто великое, и он отдал жизнь ради того, чтобы его протез, его портативный электромагнитный реактор увидел весь мир. Великий мечтатель из России! Таким я запомнил Дмитрия Астрова.

– Получается, реактор космического крейсера сделан на основе изобретения Астрова?
– Именно, Александр, – ответил Эмиро. – И поэтому все корабли, которые будут созданы на базе нашего, будут носить имя «Астра». Это моя воля как старшего по данному проекту.

– Поистине мудро, Эмиро Сунн. Можно сказать, детская мечта Дмитрия сбудется, частичка его души увидит, как он выразился, «звёзды».

– Но мы здесь не только поэтому, – взглянув на приборы, неожиданно произнес Эмиро. – Добрались.

Машина приземлилась возле кладбища. Через полчаса поисков они отыскали могилу Дмитрия Астрова.

– Его мировой рекорд стал бессмертным, – сняв шляпу перед могилой Астрова, сказал японец. – Тридцать два метра пятьдесят один сантиметр – самый длинный прыжок в истории Олимпийских игр человечества. Но главное не прыжок, главное, что мы с ним одной крови, Александр. Мы те самые мечтатели, Ромов, которые ведут за собой миллионы – сказал Эмиро, – Выполнишь мою просьбу?

– Да.

– Когда меня не станет, похорони меня тут.

– Полно вам, Эмиро Сунн, вы ещё не все свои замыслы воплотили в жизнь.

– Пообещай!

– Обещаю, – серьезно ответил Ромов, понимая истинную цель столь долгого путешествия.

Холодный ветер подул в лицо, и с березки у могилы, неторопливо полетели листочки. Осень застилала землю перед грядущими холодами покрывалом из золота. У подножия памятника лежали чуть увядшие розы, трава была подстрижена, за могилой Астрова кто-то ухаживал. Неожиданно раздался раскат грома, предвещая грозу, седовласый японец достал золотую медаль в прозрачном футляре.

– Ты тогда еще не родился, Александр, а я читал и следил за судьбой этой медали. Спустя год после прыжка Олимпийский комитет аннулировал рекорд Дмитрия Астрова, мотивируя, что он использовал изобретение незаконно. Только вдумайся, у него не было лицензии на создание такого рода устройства.

– Мы – люди, Эмиро Сунн, и прискорбно, что бумажная возня является неотъемлемой частью человечества, – посмотрев на седовласого ученого, ответил Ромов. – Тем более сейчас, когда мир стал единым.

– Наверное, ты прав, – усмехнулся японец. – Мне понадобилось пятьдесят девять лет, чтобы Астрову вернули медаль. Александр, а ты не мог бы перевести, что написано на памятнике? – неожиданно спросил Эмиро Сунн. – Написано, вроде, по-русски, я могу прочитать, но боюсь исказить смысл.

– «Дмитрий Астров. Многое недосказано, многое недопонято, но многое сделано. Оксана».

Пошел крупный дождь. Капли, словно слезы, падали на землю, на могилу русского атлета, на золотую медаль из далекого Багдада и газету – электронный вариант «World Times», бережно оставленный рядом с памятником. На первой полосе газеты красовался видеорепортаж: «Успех группы ученых в космонавтике! Держись, солнечная система, у нас есть межпланетный крейсер, и, как сказал Эмиро Сунн, «...мы летим к звездам! Мы летим к звездам!»

Спустя шестьдесят лет после трагедии на Олимпийских играх в Багдаде группа ученых запустила условно вечный двигатель по чертежам Астрова, создав пилотируемый космический крейсер, способный долететь в любую точку Вселенной. В тот жаркий день десятилетний подросток, увидел поступок русского атлета, его глаза, и прочувствовал, ради чего Астров пошел на третью попытку. А ночью Эмиро прожил во сне весь путь, который еще только предстояло пройти до заветной цели: дрейфующего корабля на орбите Марса. И он так же, как Астров,

поверил в сон, положив всё на алтарь маленькой победы человека над холодом и неизведанностью космоса. Очень жаль, что спустя год после создания крейсера великий ученый, космический инженер и просто изобретатель ушел из жизни, так и не поплавав в невесомости по отсекам и модулям «Астры-б» при выключенном поле гравитации.

Эмиро Сунн покинул нас на семьдесят втором году жизни, его похоронили в России рядом с могилой русского паралимпийца, чей рекорд по сей день не был побит.

Монета

2188 ГОД. ЗЕМЛЯ

Думалось ли подросткам, что загаданные желания станут смыслом жизни каждого из них? По-взрослому, без сослагательной формы глаголов, слово в слово, как мечталось в тринадцать лет? Однозначно – нет. Игра, шалость, которая на следующее лето потеряется в лабиринтах памяти, и не более. Что угодно, но не цель жизни.

Родители подростков хоть и жили по соседству, но не дружили, как дети. Двойняшки Ромовы воспитывались в семье военно-морского офицера. Сергей Рум рос в семье инженеров, коренных жителей портового городка. А вот семейство Сью, американских подданных, на ПМЖ заманил выгодный контракт с одной из нефтяных компаний. Русские, американец и еврей. Для тех, кто жил в то время, уже три этих слова могли звучать как шутка или начало анекдота. Но вселенная думала по-другому, полагая, что самые крепкие союзы – это таинство абсолютно непохожих частей.

– Итак, условие первое, – читал по затертой бумажке тринадцатилетний Александр Ромов. – Нужен раскидистый дуб.

– Этот единственный в здешних местах, – ответил кареглазый Джоб Сью.

– Есть ещё один, на севере, так к сведенью, – попытался возразить Алексей Ромов.

– Читай дальше, – попросил Сергей Рум – самый серьезный из троицы. – Скоро солнце зайдет, а все надо сделать до заката.

– Второе: нужно написать желание на листке бумаги и, повернувшись к солнцу, прочитать его, – пояснял Сашка. – Ну что, готовы?

– Я готов, – ответил Сергей.

– Я тоже, – добавил Джоб.

– Готов! – сказал Лёшка.

– Я мечтаю научиться читать мысли людей, – серьезно произнес Сергей Рум.

– Я мечтаю стать самым богатым, – чуть слышно прошептал Джоб Сью.

– Я мечтаю побывать в космосе, – сказал Лёшка.

– Я тоже мечтаю о космосе, но ещё я хочу увидеть Марс, – дополнил брата Александр.

Как всегда говорила мама, Лёшка на пять минут старше Сашки, поэтому он такой расторопный и сначала делает, а потом думает. Братья не были внешне похожими: голубоглазый русоволосый Александр больше походил на отца, а сероглазый брюнет Алексей унаследовал черты матери. Если кто не знал, что эти два паренька братья, то наотрез отказывался верить в то, что они двойняшки.

Следующим пунктом в ритуале стало рытьё неглубокой ямки, потом свернутые трубочкой и перевязанные красной шелковой нитью записки требовалось положить в коробку, туда же одну личную, а лучше волшебную, вещь. Серёжа положил кусочек белого камня, как он говорил, обломок рога единорога. Джоб – свою счастливую монету, а Сашка и Лёшка – три волшебных кубика с нарисованными цветными гранями вместо цифр. Ритуал выполнен, все оставшиеся дни лета подростки ждали магического эффекта, но лето просто закончилось, унеся собой непостижимую магию детства. Первыми уехали из портового городка семейство Рум, потом закончился контракт у родителей Джоба Сью. Интернет, социальные сети первое время позволяли следить за успехами друзей, но без живого общения дружба четырех подростков была обречена на увядание. А спустя годы осталась лишь жестяная коробка из-под леденцов, из детства. Они её выкопали, собравшись через сорок лет снова, уже взрослыми самостоятельными людьми.

2220 ГОД. ЗЕМЛЯ НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ АУКЦИОН В КАННАХ

– Дамы и господа, – начал ведущий аукциона, – главный лот сегодняшнего дня – семьдесят семь уникальных и редких монет коллекционного дома Ромовых, это сердце коллекции с историей длиной в сто пятьдесят лет. Подобного лота еще не было на нашем аукционе. Полный список всех позиций перед вами. Начальная цена – одна тысяча золотых единиц, один шаг торгов с учетом ценности данного лота – сто единиц.

Все началось с монеты, которую прапрадеду Александра и Алексея дали на сдачу в одном из маршрутных автобусов в то время, когда эти самые автобусы еще были с водителями и ездили по дорогам. Подозревая некую ценность монеты, водитель отложил ее в сторону, но то ли от усталости, то ли по воли провидения, под конец рабочей смены отдал торопившемуся студенту на сдачу. И именно так Сергей Геннадьевич Ромов обрел хобби, которое прошло с ним до конца его долгой и счастливой жизни.

По сути, это была обычная монета номиналом десять рублей. Единственный нюанс – тираж монеты приходился на конец года, и монетный двор, не успевая по срокам чеканки, принял решение выпустить юбилейные монеты из серии «Российская Федерация» небольшим тиражом – всего лишь сто тысяч штук. И тут же обычные десять рублей на выходе из здания подорожали в десять раз, через месяц цена возросла до тысячи, а через два года – до десяти тысяч. Разглядывая вечером двух медведей на чеканной стороне реверса, Сергей сделал судьбоносный вывод: надо сберечь эту находку, тем более цена на неё будет расти. И вот так обычный студент увлекся и погрузился в мир нумизматики, тут, как говорится, все и началось...

– Тысяча сто, – тут же выкрикнул кто-то из публики.

– Тысяча сто – принято! Одна тысяча сто – раз, – начал ведущий аукциона, стукнув деревянным молоточком по зеленому бархату стола.

– Тысяча пятьсот... – кокетливо произнесла дама в черном.

– Две тысячи, – улыбнулся грузный мужчина во втором ряду.

Торги начались. Александр, признаться, нервничал, он помнил трепет отца, с которым пополнялась коллекция деда. Страсть к нумизматике в семье Ромовых прививалась с самого рождения. Прадед любил говорить: «Не гонитесь за дорогими и старинными монетами, собирайте то, что дешево в вашу эпоху, ибо после смерти они будут стоить целое состояние!» Ромовы так и делали: они собирали исключительно монеты своего времени, потихоньку превратив семейное хобби в одну из самых интересных нумизматических коллекций мира.

Лот номер 734 купил некий аноним из Америки, заплатив двадцать шесть тысяч золотых единиц. Это были огромные деньги, годовой бюджет небольшого округа или крупного мегаполиса. Но Александр потребовал от организаторов аукциона назвать имя купившего коллекцию отца.

– Сэр, – удивленно начал глава аукциона, – это вне наших правил, обычно мы не знакомим покупателя и продавца, но в связи с эксклюзивностью сделки мы постараемся предоставить эту информацию, но только через час, не раньше.

– Почему?

– Правила анонимности распространяются как на продавца, так и на покупателя, – объяснял седоватый француз в смокинге. – После вашего желания узнать имя покупателя мы отправили запрос агентам. При всем желании ускорить процесс на согласования уходит, в среднем, час. Я надеюсь, вы располагаете временем?

– Понятно. Будем ждать! – посмотрев на друга детства, сказал Ромов.

В свои сорок лет Сережка Рум очень хорошо выглядел: правильные черты лица, волевой подбородок с ямочкой, изумрудного цвета глаза, голливудская улыбка, ощущение, что перед тобой известный актер. Но господин Рум был ученым, нейроинженером, работал над секретным проектом по созданию прибора по дешифровке мозговой активности. К подмосткам сцены

он не имел никакого отношения, хотя внешнею пользовался, с регулярным постоянством обольщая женский пол.

– Вы с другом можете проследовать в комнату для гостей, – тут же услужливо предложил глава аукциона. – Напитки, еда – все за счет торгового дома. Прошу вас, господин Ромов.

– Ну, раз за счет дома, – подмигнув другу, согласился Александр, – Серёга, пойдем обмоем удачную сделку.

– Это как сказать, Ромов. Теперь монеты стоят минимум эту цену, – улыбнулся Сергей. – Как там Лёшка поживает? Почему не участвовал в аукционе?

– У него все хорошо, – ответил Александр, – мы долго решались на этот шаг, он твердил: отец бы не позволил этого сделать. Поэтому и не поехал на аукцион. Но, как говорится, наша с братом цель важнее монет, я, правда, одну, в два евро 2007 года, все-таки оставил на память. Она мне приносит удачу.

– Чудной ты, Ромов! Но смелый, рисковать тем, что приносит доход, просто гастролируя по миру ради абстрактной идеи, – рассуждал Сергей. – На тебя это не похоже, это Лёха бы так поступил.

– А сделал я.

– Ладно, давай, хоть выпьем за их счет. Все равно сдерут процент за сделку.

– Еще какой процент, – улыбнулся Ромов. – Неприлично большую сумму.

Комната для гостей ничем не отличалась от типовой гостиницы класса VIP. Повсюду имитация дерева и шёлка, всё в теплых тонах, с типичными громоздкими позолоченными люстрами и бра. Уютно, дорого, но это банальный номер в отеле, с гостиничной энергетикой, со своим холодом и отсутствием домашнего уюта.

Оба ученых заказали только алкоголь, фруктовые закуски и под воспоминания детства наполнили эти обыденные апартаменты какой-то особой теплотой. И то ли алкоголь, то ли что-то шло изнутри, но в номере стало уютнее, и люстра уже не казалась столь громоздкой, а наоборот, её даже было мало в созданной атмосфере комнаты. Мебель и интерьер с невидимыми изначально царапинками, сколами, шероховатостями стала словно живой, и уже не хотелось отсюда уходить, а тот отведенный час ожидания, словно нарочно, все быстрее и быстрее хотел закончиться.

– Слушай, Серёга, – лукаво улыбнувшись, покуривая трубку, начал Ромов. – Помнишь красотку, она с Джобом была? Ну, когда мы шкатулку из детства раскопали.

– Александра, – как-то сразу напрягся Сергей. – Ее зовут Александра Ким, она секретарь Джоба.

– Ну да, – еще более лукаво продолжил Ромов. – Так ты с ней, ну это?

– Санёк, это сложная история, – настороженно ответил Сергей. – Вроде любовь, все серьезно, но, сам понимаешь, друг детства, да и она для него не просто секретарь, они живут вместе.

– Она его любит?

– Нет, – грустно ответил Рум. – Только деньги. Хотя лучше бы любила, роль любовника для меня попроще. А так все всерьез: она хочет семью, детей, а куда? У меня семья, НИИ. Я привык к такой жизни. Мне сорок, и я не готов к детям.

– А она тебя любит?

– Говорит, что да, – налив себе еще, ответил Сергей. – И ведь полжизни разменял, сказать, что не было баб, так нет же – половину НИИ затянул в постель, а тут, как в юности с Лизкой, помнишь?

– Кстати, она тоже была подружкой Джоба, – рассмеялся Александр.

– Это реально не смешно, Ромов! – серьезно ответил Сергей. – Джоб нанял телохранителей для нее, они никого к ней не подпускают.

– Боится во второй раз потерять подругу, – с еще большей иронией продолжил Ромов. – Вам везет на общую любовь, Серега! Хотя эта секретарша того стоит, она, кстати, по-моему, еще и поет, или актриса?

– И то, и другое, Санек, – грустно заметил Сергей. – И чем больше Джоб пытается ее удержать, тем больше страсти в наших встречах.

– Да, Серега, в этот раз синяками не отделаешься, – предостерег Ромов. – У Джоба есть и деньги, и выход на властные структуры, начни с ним войну – проиграешь.

– Не факт, – как-то нервно отреагировал Рум.

Возникшая пауза напрягала. Разговор перешел в ту остроугольную плоскость, где, как ни пытался Сергей, логического решения не находилось. Любой из возможных вариантов был потенциально опасным.

– А на кой вам столько денег, Санек?

– Хотим с братом построить космический терминал на орбите между Землей и Луной, – тут же ответил Ромов, радуясь, что друг сменил тему.

– Я об этом слышал, но зачем?

– Деньги, – улыбнувшись, заметил Ромов. – Смотри: моя ракета тянет до Луны сорок процентов топлива и шестьдесят процентов груза, а если мы построим порт, то достаточно будет лишь десять процентов топлива и, следовательно, девяносто процентов груза. Так что, сам посуди, тридцать процентов лишнего груза – это половина нынешнего максимума.

– Ну, это, понятно, выгодно, – улынулся Сергей. – А ты в курсе, что эта стройка лет на двадцать? Да и космических инженеров в мире – раз, два и обчелся.

– Именно поэтому я и нашел тебя в Каннах. Ты – профессор, член академии наук, тебе проще будет найти молодых талантливых ученых, работающих в смежных областях.

– А знаешь, правда, есть одна научно исследовательская лаборатория в Новосибирске. Я видел их статьи в журнале «Наука». Они пытались вывести на рынок метод молекулярной сварки.

– А по-русски?

– Санёк, ты ракеты создаешь, а ощущение – будто ты даже школу не заканчивал, – съязвил Рум. – Они в лабораторных условиях смогли связать органическую модель молекулы с неорганической, у них получился живой металл. Молекулы делились и сплавляли швы, превращая соединение в монолит.

– А это идея! – улынулся Ромов. – Если это будет работать в условиях космоса, сроки строительства сократятся в два, а то и в три раза! Напомни, как зовут научного руководителя?

– А я не говорил.

– А как зовут автора статьи в электронном журнале?

– Рови, некто Адам Рови. Младший научный сотрудник Новосибирского НИИ.

Александр Фёдорович взял ручку и записал на белоснежном столе имя и фамилию ученого. И в эту же минуту в комнату вошел директор торгового дома. Он на доли секунды потерял дар речи, и показалось, что стал заикаться. Дорогой антикварный стол, и такое вандальское отношение к произведению искусства.

– А, это вы? – не переставая обводить написанное имя на столе, с невозмутимым видом спросил Александр. – Ну что, связались с покупателем?

– Д-д-а, сэр, – поглядывая то на Ромова, то на стол, ответил директор.

– Вот и хорошо, – улынулся Александр. – Да, и распилите стол, мне важна эта надпись.

– Может, лучше электронную бумагу принести, господин Ромов? – услужливо предложил директор.

– Нет, – ответил Александр. – Стол знаковый, – он ткнул пальцем в надпись, – этот человек дороже вашей деревяшки, ему предназначено совершить переворот в космонавтике.

– Хм-ха, – едва сдерживая смех, Рум отвернулся.

А директор на полном серьезе приказал выпилить написанное имя и в футляре преподнести особому гостю и клиенту торгового дома.

Покупателем оказался Джоб Сью. Совпадение? Может быть, но, сам того не ведая, Александр подставил друга. Ишейки Джоба были уверены, что Рум увлеченно работает в лаборатории. А мисс Александра Ким в качестве приглашенной гостьи на очередной фестиваль кино в Каннах. Джоб как чувствовал, что эти монеты будут из коллекции Ромовых, и, в принципе, его это не смущало. Он даже мысленно представлял лицо Александра, когда тот узнает имя покупателя, но вот увидеть на заднем плане еще одного друга детства Сью не ожидал. Он догадывался, что после той встречи четверых друзей что-то изменилось в их отношениях с Александрой, она стала другой. словно шестнадцатилетняя девчонка, задумчиво улыбалась, была так трогательна и рассеянна, но, главное, в ее взгляде появился тот чуждый для Джоба огонек влюбленности. Неглупый господин Сью сразу заметил, как смотрели друг на друга Александра и Сергей в день встречи друзей детства, как они тайком обменялись телефонами в ресторане. Он все видел. И, конечно, он трезво относился к их отношениям с Александрой: она не любила его настолько сильно, как могла любить Джульетта своего Ромео. Но чувства были: долгие годы ухода, заботы и добра, которыми Джоб окутал ее, создали подобие семейной идиллии. Было лишь одно «но» – Джоб не хотел детей, и Сашка делала аборт, после каждого нового проваливалась в депрессию, обвиняя Джоба в том, что загубил её молодость. А потом находила выход в шопинге, тратя миллионы на безделушки и вещи.

Буквально накануне встречи друзей детства Александра сделала очередную операцию по прерыванию беременности и после роковой встречи друзей не устроила скандал, а просто уехала на фестиваль в Канны. Его привычная малышка Ким, изменила привычкам, и это настораживало.

– Убейте его! – выключив видеотранслятор, прошипел Джоб.

– Ромова? – удивился начальник охраны.

– Нет! – швырнув в него граненый стакан, закричал Джоб. – Рума! Сергея Рума! Как хотите, но убейте его!

– Хорошо, сэр.

– Стой! – остановил его Джоб. – Она не должна видеть его смерть! Несчастный случай, ограбление – как угодно, но только не из-за ревности, она ничего не должна знать. Ты понял меня?

– Да, сэр!

– Выполний, – приказал он и, с ненавистью прищурился, опустил на пол своего огромного кабинета.

В тот день великий бизнесмен Джоб Сью, которого в узких кругах большого бизнеса прозвали железный человек, во второй раз в жизни заплакал. Побритый наголо харизматичный мужчина невысокого роста с черной ухоженной бородкой и большими карими глазами, имея деньги, следил за своей внешностью и имиджем. Но сейчас на полу огромного кабинета, сжавшись, словно обиженный подросток, он плакал из-за женщины. И хотя он поклялся, что больше не уступит другому мужчине возлюбленную, он во второй раз проиграл, ибо в этом деле не все решали деньги и власть, которых у Джоба было в избытке. Любовь не подчинялась законам бизнеса. Лежа на полу, он осознавал беспомощность ситуации, как тогда в юности, когда они подрались с Сергеем, и Джоб выиграл право на свидание с девчонкой, но Лиза все равно ушла от него к Сергею. Беспомощность и страх маленького мальчика снова поселились в сердце мужчины. Он, как и в детстве, не понимал, почему золотые стены замка оказались ей не нужны.

– На этот раз я тебя убью, – сделав очередной глоток виски, словно раненый зверь, проорчал Сью.

Допив одним махом содержимое бутылки, он швырнул ее в стол. Опьянев, шатаясь, он побрел к дивану, хотелось ни о чем не думать, уткнувшись в подушку, он заснул.

* * *

Какова вероятность, что в одном маршрутном автобусе, выполняющем перелет из Канн в Париж, окажутся трое взрослых и один ребенок? На самом деле – большая, такое происходит каждый день. А вот вероятность того что эта поездка будет иметь судьбоносные последствия, уже необычайно мала. Такие встречи бывают единожды за жизнь и меняют её на «до» и «после».

Миниатюрная шатенка, в меру полноватая тридцатилетняя Джессика Рови в тот день собралась с сыном в Париж, хотела посетить показ известного кутюрье, прикупить белья по случаю и придаться шопингу с сыном в неделю весенних скидок. Пункт с бельем планировался вечерним сюрпризом для любящего супруга.

Второй взрослый, Арсен Адамян, высокий, смуглокожий, с длинными кудрявыми волосами и стильной бородкой в угоду моде. Он в свое время учился в школе № 216 одного небольшого городка у моря и, когда Сергей Рум оканчивал школу вместе с его сестрой Маргаритой, он перешел в седьмой класс. По-случаю он знал всех ее друзей-одноклассников, не лично конечно, а по выпускным электронным фотографиям. Частенько Арсен разглядывал семейный фотоархив и поэтому, увидев Рума в рейсовом автобусе, решил познакомиться с одноклассником сестры. А летел он в Париж по работе. Арсен был филологом и переводчиком, занимался переводами технических текстов. И за день до вылета на родину решил съездить за новым заказом лично.

И третий взрослый, влюбленный как юноша сорокалетний Сергей Рум ехал в Париж к возлюбленной – Александре Ким. Они две недели путали ищек Сью и находили места, где украдкой и урывками, но в полной мере отдавались страсти и вспыхнувшим чувствам.

И вот так взрослые и один подросток, летели по автостраде в Париж. В той самой поездке, что делит жизнь на «до» и «после».

– Вижу тебя, Ромов, – начал Сергей Рум. – Надеюсь, не отвлек?

– Нет, все в порядке, – поправив камеру, сказал Александр.

– Угадай, с кем я лечу в автобусе? – повернув камеру на Арсена, поинтересовался у друга Сергей.

– Добрый день, – поприветствовал незнакомца Александр. – Но мы не знакомы.

– Еще бы! Это Арсен Адамян, родной брат Ритки, – пояснил Рум.

– А, помню, помню Риту, – улыбнулся Ромов. – Передавай привет сестре, она хороший человечек.

– А вот это лично сделаешь! – загадочно заметил Рум.

– Не понял?

– Помнишь, я говорил тебе про Адама Рови? Кстати, он не Ада́м, а Адам. Ударение на первую «а».

– Спасибо за нюансы произношения, при личной встрече пригодится. Я, кстати, уже подключил связи для поиска этого человека.

– Можешь не искать, он в Каннах и сейчас сладко спит в отеле, – усмехнулся Сергей. – А у меня за спиной его жена и девятилетний сын.

– Да ладно! – Ромов даже пододвинулся к видеотранслятору.

– Но я тебе главного не сказал, – начал Сергей. – Ритка Адамян работает в фарминдустрии, она – ученый. Сейчас защищает докторскую в соавторстве с Адамом Рови и Петром Ломовым, и все это под руководством профессора Громова в Новосибирском НИИ, в региональном, очень бедненьком НИИ... Чувствуешь, куда я клоню?

– Ты хочешь сказать, я наткнулся на них, буквально, на пороге открытия в молекулярном синтезе?

– Именно, Ромов, – заметил Сергей. – Твои деньги, их наработки, да ты построишь порт меньше чем за пять лет.

– Ну, это не факт, – улыбнулся Ромов. – Но шансы есть.

– Еще какие, – согласился Рум. – С тебя одна, нет, две бутылки «Хенесси» прошлого века.

– Рум, их всего осталось пятьдесят бутылок во всем мире.

– Не мелочись, Ромов! Я нашел тебе людей, которые построят целую планету в космосе, были бы только деньги.

Неожиданно камера дернулась. На заднем фоне вдруг послышались голоса взрослых: «Что он делает! Мы разобьемся. Ломай автопилот, ломай его!», потом камеру тряхнуло, раздался оглушительный треск, и сигнал прервался. Александр сразу же понял, что произошло нечто ужасное.

Заключение экспертов и криминалистов были немного странными, они списывали всё на форс-мажорные обстоятельства, вследствие которых невозможно установить истинную причину поломки летающего автобуса. Рейсовый автобус подрезали, и он попал в магнитное поле другой машины, это привело к нарушениям в режиме навигации, и автобус на скорости влетел в скалу. Машину, которая резким маневром подрезала автобус, так и не нашли. По преступной халатности перевозчика боковые видеорегистраторы в рейсовом автобусе не работали, так же, как и защитные барьеры по периметру. Из четырех используемых ремней безопасности два оказались неисправны. Как выразился следователь, цепь мелочей и поломок привела к трагедии. В той аварии инженер Адам Рови потерял жену и сына. Другие два пассажира отделались ушибами и переломами.

– Идиоты! – орал Джоб на свою охрану. – Такой шанс упустить! Сам случай подарил вам эту возможность! Так нет же, они поломали только одно кресло безопасности из десяти.

– Он купил билет на это место, сэр, – в кабинете Джоба оправдывался один из его подчиненных.

– Ты вообще ездил в транспорте такого рода? – еще сильнее закричал Джоб. – Там никто не садится по билету!

– Мы не знали, сэр, – опустив голову, прошептал охранник.

– Пошли вон! – швырнул в них папку с электронными бумагами Джоб. – И молитесь богу, чтобы вас не нашла полиция.

Поглаживая бородку и покусывая нижнюю губу, он нервно зашагал по кабинету. Железный Джоб понимал, что вездесущие федералы рано или поздно выйдут на организатора воздушно-транспортного происшествия. И это тревожило.

– Сэр, вас хочет видеть председатель мирового правительства Стив Мору, нам направили запрос на подтверждение видеоконференции, – неожиданно заговорила по видеотранслятору трехмерная модель секретаря.

– Вот черт! Соединяй, – поправляя галстук, Сью сел в кресло и приготовился к непросто-му разговору.

Спецслужбы вычислили того, кто косвенно был виноват в автокатастрофе, под предлогом обсуждения контрактов в энергетической сфере, глава мирового правительства рассказал о покушении на жизнь господина Рума. Участвуя в разработке устройства, способного считывать дистанционно импульсы мозга, профессор Сергей Рум был незаменимым сотрудником, поэтому его жизнь являлась национальным приоритетом. Говоря проще, его нельзя трогать!

Произошедшее на автостраде событие, по настоянию главы мирового правительства, пресса перевела в разряд малозначимых новостей. Но эти действия не отменяли предстоящие перемены. Узнав от Сергея о покушении, Александра Ким рассталась с Джобом. Ромов нашел одноклассницу и сделал заманчивое предложение. А вот Адам Рови начал пить. И сначала его уволили из строительной компании, а потом за полное безразличие и прекращение научной деятельности профессор Громов исключил Адама из Новосибирского НИИ.

Но даже без этого достойного и талантливому ученому собранная Ромовыми команда через год построила основной технический модуль космического терминала, разместив на орбите между спутником и планетой по-настоящему громадную станцию с искусственным электромагнитным полем, в основу которого лег реактор Эмиро Суна. Это поле создавало небольшую гравитацию и удерживало космопорт на четкой орбите. Терминал имел форму подковы и обладал перспективой прироста новых модулей для образования полноценной сферы. Идеальное расположение, полная автономия и отсутствие ограничения в приросте новых модулей через пять лет стройки превратили разрозненные станции в полноценный космический порт, способный принимать до сотни кораблей и миллиона жителей ежедневно, хотя в космосе понятие «день» относительно. Терминал получил имя «Омега». Так началась новая эра по освоению космоса, и начали ее братья Ромовы – Александр и Алексей.

«Альфа» и «Омега»

2235 ГОД. КОСМОС. КОСМОПОРТ «ОМЕГА»

ОФИС БРАТЬЕВ РОМОВЫХ

– Послушайте меня, господин Мору, разрешение на добычу золота в ваших интересах, – на повышенных тонах убеждал собеседника Алексей.

– Вы меня не слышите, – пытался возразить председатель правления Земли.

– Нет, это вы нас не слышите! Если вы продлите запрет, то завтра мы аннулируем ваши контракты и вышвырнем всю вашу госструктуру к чертовой матери с «Омеги», –немного пристав, заявил Александр Ромов.

– Не посмеете, – чуть слышно произнес Мору, и его правый глаз задергался. – Мы будем судиться.

– И что? Отберете у нас домик в России?! – Алексей даже рассмеялся.

– Но это не по закону, – бубнил себе под нос вспотевший председатель правительства, явно не ожидая такого резкого поворота в переговорах.

– Не по закону? – вмешался в диалог Александр. – А присваивать себе целую планету по закону?

– Марс – собственность глобального правительства, и я как его представитель не позволю посягать на суверенитет этой планеты, – осмелев, заявил председатель.

В переговорах возникла неприятная ситуация. Политик Стив Мору, при низком росте, тучном телосложении, с большими карими глазами, походил на пингвина. Когда нервничал, он сильно потел, заикался, правый глаз начинал дергаться. Братья Ромовы были выше оппонента, с возрастом Лешка и Сашка мало чем отличались, разве что сединой и очками. Александр выглядел старше брата, а зрение испортил из-за трудолюбия. Все трое переговорщиков вот-вот могли перейти на крик и обострение конфликта, и, чтобы хоть как-то разрядить обстановку, Александр подошел к бару и разлил по стаканам виски.

С момента постройки космического терминала правительство содержало посольство, арендуя несколько сегментов на «Омеге», иначе буферная зона, в которой не работали законы Земли и Луны, грозила стать вообще неуправляемой. Будучи полностью автономной станцией, «Омега» прирастала на несколько жилых сегментов в год, и как бы ни старались мировые спецслужбы повлиять на политическое настроение работников терминала, космопорт продолжал оставаться частной собственностью вне юрисдикции Земли. Братья Ромовы намеренно игнорировали политические приоритеты и векторы развития, однако сам факт наличия свободного от земных законов участка космоса являлся грубейшим вмешательством в мировую политику. Причина напряженной ситуации в переговорах – давно назревающая проблема, Ромовы не просили, а требовали свободу на добычу золота Марса частным лицам. Туда и так нелегально летали старатели, и правительство, прикрываясь законами о суверенитете, по прилету на «Омега» отбирала половину добытого золота. Такие правила дискредитировали принцип терминала «Отсутствие налогов». Но запретить поборы на территории, взятой в долгосрочную аренду, Ромовы не могли по праву частной собственности. И эта ситуация была настолько остроугольной, что старатели и их семьи стали попросту покидать терминал, перебираясь в лунные поселения. В свою очередь господин Мору понимал, к чему приведет засилье планеты свободными старателями. Наглядным примером был опыт Луны, поэтому Земля не хотела потерять ещё и Марс.

После выпитого в кабинете воцарилась тишина. Приятный матовый свет настольной лампы делал обстановку уютной. Дерево, кожа, теплые тона – все это создавало земной комфорт, и если бы не низкая гравитация, маленькие звезды и непривычно яркое солнце в иллю-

минаторе, можно подумать, что ты на Земле. Ромовы старались делать внутреннее убранство космопорта максимально земным по рекомендации врачей.

– А знаешь что, Леха, – начал Александр. – У меня есть идея!

– Говори.

– Господин Мору, с этого дня цена на аренду восьмого, девятого и тринадцатого секторов вырастает на двести тридцать процентов.

– Это неприемлемо до-дорого, – заикаясь, ответил Мору.

– Это первая новость, – с издевкой заявил Александр. – Второй новостью для вас будет то, что разницу мы вложим в одно очень прибыльное дело.

– Что ты еще задумал? – усмехнулся Алексей, видя реакцию политика.

– Ну, раз нельзя приземлиться на Марс, мы начнем строить на его орбите еще один космический порт.

– Вы не имеете права! – попытался было возразить политик.

– Да ладно! Почему не имеем? – тут же оживился Алексей. – Космос вам не принадлежит, а значит, мы вправе строить на его орбите все, что нам заблагорассудится. Отличная идея, брат! – улыбнулся он и включил селектор: – Эндрю, помоги мистеру Мору добраться до терминала вылета на Землю, переговоры окончены!

– С удовольствием, то есть, простите, конечно, провожу, – послышался голос охранника в селекторе.

И через минуту возмущенного политика препроводили к шаттлу, вылетавшему на Землю. Амбициозные заявления братьев Ромовых имели под собой четкий план по достижению цели: за день до переговоров с председателем правительства они заключили долгосрочные контракты с космическими крейсерами «Астра-9», «Астра Вега» и «Астра-7». А в день переговоров, после отказа в свободной добыче золота, космические корабли оборудовали строительными модулями. Конечно, все держалось в тайне, заказчиком выступал анонимный предприниматель с Луны. А через сто дней полета на орбите красной планеты команда Александра создала первый модуль орбитального космического терминала «Альфа». До колонизации Марса оставалось несколько лет.

* * *

2236 ГОД. ЗЕМЛЯ

Поднимаясь по мраморным ступенькам в офис директора «Глобал Энерго», господин Мору всё никак не мог перестать думать о Ромовых. В свои шестьдесят два года он так и не встретил ни одного достойного соперника из политиков, у всех были слабости: наркотики, женщины, извращения, азартные игры, алкоголь. Всегда можно было подобрать ключик к нерадивому оппоненту, но тут – парочка гражданских выскочек. Да – талантливых, да – думающих, но при этом таких сложных соперников. У Ромовых не было слабых мест: семью они спрятали на «Омеге», деньги и женщины их не интересовали настолько, чтобы из-за них терять голову, власть им не требовалась, одним словом, почти святые в понимании Мору. Он поэтому и поднимался к одному из знакомых – директору «Глобал Энерго». Человеку, который знал Ромовых, знал их тайны, знал лучше, чем кто-либо на этой планете.

– Господин Мору, – услужливо открыла дверь в кабинет Джоба Сью секретарь, – директор ожидает вас.

– Я в курсе, – буркнул Стив и неторопливо, опираясь на трость, прошел в кабинет.

– Рад вас видеть, господин председатель правительства, – тут же бросив электронно-бумажную работу, произнес директор «Глобал Энерго».

– Давай без этого лицемерия, Джоб, – Стив грузно опустился в кресло и, закулив сигару, продолжил: – Мы не друзья и даже не коллеги. Я – политик, ты – бизнесмен, удачный бизнесмен, но, самое главное, мы – не враги. Да, наши интересы в некоторых делах пересекаются, и я признателен тебе в том, что ты шел на уступки даже тогда, когда тебе этого не хотелось.

– Вопрос цены, господин Мору, это всегда вопрос цены!
– Именно цены? Так вот, у нас есть острые углы во взаимоотношениях, например, такие, как Сергей Рум, контракты на шельфе Северного полюса, но все это решаемо.

– Конечно, решаемо, – улыбнулся Джоб.

– Главное, что мы смотрим в одном направлении.

– Немного не понял...

– Мы оба любим Землю и хотим, чтобы она была сильной и неделимой.

Господин Сью тут же загадочно улыбнулся и понял, зачем политик пожаловал к нему с визитом. К пятидесяти годам стильная борода Джоба стала седой, лицо более круглым, но голова всегда была гладко выбритый, одежда – стильной, улыбка – белоснежной. Джоб следил за своей внешностью. Нетрудно было догадаться, видя первое лицо планеты без охраны, что этот визит носит тайный характер. А в свете текущих событий и конфликта Земли с руководством «Омеги» причина визита была предельно ясна.

– Ромовы, – после небольшой паузы с ухмылкой произнес Джоб.

– Я слышал, что вы учились в одной школе?

– Я, Сергей Рум и Александр и Алексей Ромовы – четыре друга детства, – ответил Джоб.

– Хм, – усмехнулся Мору. – Насмешка судьбы, не правда ли, Джоб?

– В чем? Не пойму.

– Ну, ты и Сергей Рум – друзья детства, ставшие врагами. Я не знал этих подробностей.

Джоб неторопливо встал и, сделав вид, что не расслышал замечание политика, и дабы не развивать тему, предложил выпить.

– Я так понимаю, вам надо знать, есть ли у Ромовых слабые места, – пригубив виски, начал Джоб.

– Да, – сделав глоток, ответил Стив.

– Уже нет, слабых мест нет.

– Ну, они же не боги! – раздраженно буркнул Мору.

– Не боги, – ответил Джоб. – В юности Лёшка всегда был инициатором какого-либо приключения, но он был трусоват, а вот Сашка шел до конца, он решителен и смел, но при этом способен продумывать свои шаги. Если он бьет, то бьет именно тогда, когда надо ударить. Я метафорически выражаюсь, но, думаю, вы понимаете. Ему важен процесс, он играет не ради выигрыша, а ради процесса, и поэтому он практически непобедим.

– Они хотят построить терминал на орбите Марса, – перебив Джоба, заявил Стив. – Причем, за счет правительства. За мой счет! Они хотят поднять цену на аренду всех сегментов терминала «Омега», и если они это сделают, мы потеряем Марс.

– Вы потеряли его в тот день, когда Александр полетел на орбиту Земли строить терминал «Омега», – тут же ответил Джоб. – И вдвойне прискорбно, что этот факт только сейчас до вас дошел.

– Помоги мне, – прошептал отчаявшийся политик.

Алчный расчетливый взгляд перед наживой был хорошо знаком политику, он сам нередко с таким же азартом хищника смотрел на своих врагов, предвкушая победу.

– Как вы там сказали? – решительно посмотрел на него Сью. – Вопрос цены?

– Я многое отдам, чтобы ответить на такую пощечину! Это дело чести.

– Не сомневаюсь, господин Мору, не сомневаюсь.

Если бы Джоб Сью родился на пару веков раньше, во времена великих войн, его таланту просчитывать ход боя не было бы равных. В случае с Ромовыми победить, используя политические рычаги, было невозможно, и Сью хорошо понимал это.

– Дайте ему построить главный модуль терминала, – начал Джоб. – Это два-три года, за это время надо скрытно построить как можно больше кораблей. Я куплю их, найму людей, и

мы займемся пиратством. Мы будем грабить корабли, идущие с провиантом к Марсу, и через год-другой не надо будет ни с кем сражаться, они сами там умрут без воды, еды и воздуха.

– А почему не сделать это сейчас, пока он уязвим, пока не построил главный модуль жизнеобеспечения? – лукаво подметил Стив Мору.

– Это моя цена, – ответил Джоб Сью. – Мне нужен Марс, а без терминала на его орбите – это всего лишь огромная куча песка с золотом за миллиарды километров отсюда. Без космического терминала эта планета ничего не стоит.

Мору задумался, потом неторопливо сделал глоток и еще раз посмотрел на американца.

– Из двух зол надо выбирать меньшее, – улыбнулся председатель правительства и протянул руку Джобу. – Я согласен на твои условия.

– Рад что мы договорились, – пожал руку политику Сью. – Ваша задача – как можно дольше закрывать глаза на анархию в космосе.

– Ну, это естественно, – ответил Мору. – Говоришь, дать ему построить терминал?

– Не весь, – тут же поправил его Джоб, – а только главный модуль с реактором и секторами самообеспечения, остальное я дострою сам.

– Я надеюсь, новое руководство терминала будет более лояльно к мировому правительству?

– Не сомневайтесь, господин Мору, мы всегда найдем с вами общий язык.

Такое решение воодушевило политика, он покидал кабинет Джоба хмельным и счастливым, ответный ход земли в межпланетной шахматной игре грозил стать фатальным для Ромовых. И глава мирового правительства выдержал паузу перед беспощадным ответом на оскорбление.

ЧЕТЫРЕ ГОДА СПУСТЯ

ТЕРМИНАЛ «АЛЬФА»

– Ты думаешь, Джонс пропустит посылку?

– Я надеюсь, да! – ответил Ким Вонг и взглянул на часы. – Десять минут до стыковки корабля с Земли, бьюсь об заклад, что сейчас появится «солдафон», он всю неделю выпрашивал об этом грузе.

– Да не дай Бог! Постучи по дереву, – попросил Кима Иван Лодов, поглядывая на закрытый отсек в жилой сегмент главного модуля терминала «Альфа».

И действительно, через пару секунд дверь в туннель открылась, и появился одетый в скафандр глава службы безопасности Рики Джонс. Его неторопливая, вразвалочку, походка настораживала. Честно сказать, Ким Вонг и Иван Лодов планировали встретить груз с Земли без вездесущего глаза начальства. Но у Джонса, как говорится, был нюх на любые аферы.

«Включите внутреннюю связь», – показал руководитель службы безопасности.

– Приказ выполнен, сэр.

– Что-то вы подозрительно рано пришли к терминалу стыковки, – съязвил Джонс.

– Сэр, гостинцы из дома – это святое.

– Хм, – усмехнулся Джонс. – Ну-ну, не знал бы я вас, то поверил бы в искренность ответа. Но если вы ждете алкоголь с Земли, я вам устрою радостный уик-энд.

– Сэр, все что угодно, но только не спиртное, – подойдя ближе к Джонсу, заговорил Ким. – Мы не нарушаем законы космопорта.

– Конечно, вы прям живете по букве закона! Две минуты до стыковки, – потирая руки, объявил управляющий службы безопасности. – Сейчас посмотрим, что вы там нарушаете, а что – нет.

Рики Джонс хоть и носил прозвище «солдафон», но где-то в глубине души за всей требовательностью прятался бунтарь и добряк, который в кругу друзей славился инициатором приключений. На людях Рики редко улыбался, круглое лицо, пушистые рыжие бакенбарды и подкупающая ямочка на волевом подбородке соответствовали образу строгого начальника

охраны. Джонс не спускал тунеядства и халатности в работе, и начальство ценило такой профессионализм. Он даже с супругой на людях общался на «вы», чтобы никто не обвинил в снисхождении к Маргарите Адамян. Может поэтому его и прозвали «солдафон».

«Стыковка произведена! Стыковка произведена! – оповещал механический голос. – Погрузочные роботы активированы! Осторожно, атмосфера отсутствует! Осторожно, атмосфера отсутствует!»

Весь груз был доставлен на терминал в целостности и сохранности, и тут же освободившееся пространство заполнили золотой рудой, добытой на Марсе, и космический корабль отправился на Землю.

– У меня такое ощущение, что добывай мы нужный объем золота в день, мировое правительство запускало бы к нам ракеты два раза в сутки, лишь бы мы загружали золото, – закончив погрузку, бубнил себе под нос Ким Вонг.

– Разговорчики! – управляя погрузочным роботом, рявкнул Джонс. – Вашим семьям платят неплохие деньги за это золото.

– Конечно, сэр, – загрузив последнюю партию руды, ответил Лодов.

А в терминале их уже ждала целая делегация ученых. Начальник лаборатории Маргарита Адамян и половина научных сотрудников всматривались в каждый контейнер с Земли. Интерес к таинственному грузу был огромный.

– Маргарита Анатольевна, мне не нравится эта скрытность и моя неосведомленность о грузе, – еще раз перелистывая список посылок, проворчал Джонс.

– Уверю тебя, Рики, там нет чего-либо запрещенного уставом терминала «Альфы».

– Тогда почему такой ажиотаж? – не мог угомониться Джонс.

Но этот вопрос остался без ответа, потому что Лодов нашел нужную посылку, и тут же все обступили заветный контейнер. Ну, а когда в процессе распаковки прозвучало: «Они живы!», вся аудитория разразилась громкими аплодисментами.

– Да кто жив? – пробираясь сквозь толпу ученых, ворчал Джонс. – Пропустите меня, черт бы вас побрал, пропустите.

Иван держал в руке аквариум, из прочного стеклопластика, наполненный песком и весьма необычной для космоса формой жизни.

– Муравьи?! – реакция Джонса была негативной. – Вы в своем уме? Это биологическая угроза терминалу! А если они заполонят весь космопорт, что тогда? Я немедленно сообщу об этом вопиющем факте Александру Федоровичу.

– Полковник Джонс! – строго начала заведующая научной лабораторией Маргарита Анатольевна, – вы думаете, что Александр Федорович не в курсе о содержимом наших посылок?

– Почему мне никто не сказал?!

– Эти муравьи – часть эксперимента по созданию замкнутой природной цепи, – объяснила госпожа Адамян. – Рики, дорогой, пойми, мы просто не хотели преждевременно афишировать научные секреты. Ну правда, милый, не отправлять же их обратно на Землю? Мы так боялись, что они не долетят, а тут сама фортуна повернулась к нам лицом.

– Ладно, черт с вами, – возвращая аквариум Лодову, подытожил Джонс. – Но если хоть одного встречу в отсеке, раздавлю лично!

– Конечно, милый, – поцеловав Джонса в щеку, прошептала Маргарита Анатольевна.

Из большого множества насекомых муравьи неприхотливы в еде и быстро адаптируются к условиям пониженной гравитации, этих качеств достаточно для эксперимента по созданию замкнутого биологического цикла. И хотя Рики Джонс весь оставшийся день ворчал, те обстоятельства, что Александр Ромов лично курировал эксперимент, успокаивали задетое самолюбие.

– Рита, а ты не могла рассказать о посылке до ее прихода? – уже вечером, перед сном, упрекал супругу Джонс. – А то я выглядел полным идиотом в глазах этой парочки.

– Мы вообще не думали, что тебя так заинтересует эта посылка, – смывая маску влажными салфетками, ответила Маргарита Анатольевна.

– Я почему-то был уверен, что Лодов и Вонг заказали партию алкоголя, и представь, как нелепо я выглядел, когда целую неделю следил за их разговором, а главным секретом оказались ничемные муравьишки.

– Formica rufa, – поправила его Маргарита Анатольевна.

– Да ты их хоть как назови, – сердито буркнул Джонс. – Я до сих пор считаю, что это бесполезное занятие. Да и твой зоосад, честно сказать, тут и не нужен. Мы отправляем на Землю столько золота, что, пожелай того, у нас на завтрак, обед и ужин всегда могут быть свежая зелень и фрукты.

– Начальник охраны Джонс! Не забывайте, что восемьдесят процентов кислорода дает, как ты сказал, «мой зоосад», но, если быть точным, до сегодняшнего дня в ботаническом саду, я подчеркиваю – ботаническом, не было зоологической формы жизни. А вот с сегодняшнего дня там живут насекомые вида Formica, и даже после этого он не может называться зоосадам в полной мере.

– Ладно, это дурацкий спор, – укрывшись одеялом, буркнул Джонс. – Меня не переубедишь, я все равно не вижу смысла в создании замкнутой цепи, когда все необходимое могут привезти тебе с Земли за какие-то сто дней полета. Глупо тратить время, а твоих лоботрясов лучше на планету отправить золото добывать.

Маргарита Анатольевна с улыбкой посмотрела на мужа, достала электронный дневник и сделала очередную запись:

«12 сентября 2240 г.

Сегодня великий день! Мы запустили в ботанический сад колонию муравьев с детенышами и маткой. Цель эксперимента: создать полноценную экосистему. Муравьи смогли бы частично рыхлить почву и перерабатывать биологические отходы. И это только первый этап. Далее мы планируем запуск других насекомых.

Психологическая обстановка в терминале «Альфа» удовлетворительная. Физиологическое и биохимическое состояние здоровья 10654 жителей города в пределах нормы. Двое вновь прибывших больны респираторным вирусным заболеванием и изолированы в специальном боксе. Подробный отчет сохранен в дневнике медицинской лаборатории.

Старший научный сотрудник, заведующая лабораторией Адамян М.А.»

Каюты терминала были оснащены одиночными или семейными кроватями из алюминия. Вмонтированные в стены шкафы, стулья и столы, огромная плазменная панель и роботизированная кухня. У всех, даже начальников, были однотипные каюты. Самым трудным в такой жизни, несмотря на периодически летающие ракеты и корабли класса «Астра», – ощущение опасности. Оно не покидало сотрудников терминала. Марс – мертвая планета, которая в случае чего не сможет стать вторым домом для человека. А чувство отдаленности от Земли ненавязчиво, но тревожило, особенно перед сном, когда вся суeta дня отступала, оставляя разум наедине со своими страхами.

В тот день, хотя понятие день в космосе относительное, никто даже предположить не мог, что цепкие лапы пиратов так сильно осложнят жизнь на «Альфе». До этого такого понятия, как космические пираты, не существовало, но все изменилось в тот день. Первыми пираты уничтожили промежуточные спутники, оставив терминал «Альфа» без связи. А когда не пришла очередная ракета с Земли, стало понятным, что там, за миллионы километров, произошла трагедия которая повлияет на жизнь каждого астронавта на терминале «Альфа».

Бортовой дневник Рики Джонса:

«19 сентября 2240 г.

Господи, произошло нечто ужасное... Мы не можем связаться ни с «Омегой», ни с Луной. Связи нет ни с кем. Гробовая тишина в эфире...

28 сентября 2240 г.

Александр Ромов потребовал остановить добычу золота на поверхности Марса, а всех свободных людей и машины задействовать на работах в ботаническом саду. наших запасов еды осталось на две недели. Привезенного воздуха – на тридцать дней. Ромов издал указ – законсервировать весь кислород и перейти на полное насыщение терминала кислородом, вырабатываемым ботаническим садом. Это семьдесят процентов от минимальной нормы. Поэтому мы сократили вентиляцию в жилых помещениях и убрали ее вовсе в проходных модулях, и тут же увеличилось количество респираторных заболеваний. С «Омегой» по-прежнему нет связи.

19 октября 2240 г.

Запасы провианта закончились, мы на грани катастрофы. Люди истощены и подавлены, сорок процентов населения терминала «Альфа» больны цингой. Ботанический сад не может удовлетворить потребность в еде даже на тридцать процентов. Сегодня от истощения умер первый астронавт, Эрик Сомов. Тело было химически кремировано. «Омега» молчит...

23 ноября 2240 г.

На совете было принято решение о строительстве из добытого золота модулей для ботанического сада. Запасы грунта есть, семена – тоже. Новые отсеки смогут увеличить запас еды до семидесяти процентов, и мы сможем засадить построенную площадь исключительно полезными растениями, дающими еду. Но на это нужно время и человеческие руки. Все и так работают по шестнадцать часов в сутки, опыляя растения и ухаживая за плодами. Люди слабы, а роботы не могут выполнять такую тонкую работу. Терминал «Альфа» на грани гибели. Сегодня, впервые за пять лет, Александр Ромов дал распоряжение приостановить строительство терминала и всех рабочих перенаправить на возведение новых модулей жизнеобеспечения. Умерло сто двадцать человек. Все тела кремированы, и урны отправлены на Марс.

17 декабря 2240 г.

Умерло двести человек. Из хороших новостей: новый ботанический сад построен. Старый сад решили полностью использовать как «легкие» космпорта. Плодоносящие культуры пересажены в новый сад с золотыми стенами. Кто бы мог подумать, что здесь, за миллионы километров от дома, золото будет цениться не дороже обычной руды. Золотой сад: стены, пол, потолок, – всё из золота. Неимоверная расточительность, но это единственный материал, доступный нам. Немного цинично, но освободившиеся жилые отсеки были демонтированы, и у нас получился еще один ботанический сад. Теперь проблема кислородного голодания устранена. Мы смогли возобновить вентиляцию проходных терминалов, и, мало того, мы утроили запасы законсервированного кислорода. Омега молчит...

28 февраля 2241 г.

От цинги и истощения умерло сто человек. Из хороших новостей: ждем урожай, но завязей мало, планируемый сбор снижен на тридцать процентов, а это недопустимо много. Из-за влажности в ботаническом саду возникли грибницы плесневых грибов, они поражают урожай. Приходится в буквальном смысле бороться за каждый плод. Все терминалы и отсеки «Альфы» работают без перебоев. «Омега» молчит.

29 марта 2241 г.

Умерло восемьдесят шесть человек, причина та же. Новостей нет!

15 апреля 2241 г.

Умерло сто двадцать три человека. Первый сбор урожая не принес ожидаемого результата: по неведомым нам причинам урожай всех опыленных плодов ниже на сорок процентов от ожидаемого, корнеплодов – на двадцать. Это – от минимально допустимой нормы. Опять голод. Плесень поразила больше половины недозревших плодов. Использовать химические препараты мы не можем: огромный риск после созревания получить продукт с большим количеством хлорсодержащих примесей. Мы бессильны перед банальной плесенью! «Омега» молчит...

13 августа 2241 г.

За три месяца умерло сто шестьдесят девять человек, причина – та же. Новый урожай не оправдал надежд. Те же самые показатели: корнеплоды – двадцать процентов от минимально допустимой нормы, опыляемые – сорок процентов. Единственный стопроцентный результат – по однолетникам, но семян все меньше и меньше. Ручное опыление эффективно лишь на одну треть. С «Омегой» связи нет уже одиннадцать месяцев. Мы не перестаем отправлять сигнал s.o.s. с интервалом тридцать минут по всем частотам радиосвязи, но «Омега» молчит.

3 сентября 2242 г.

Нас осталось 2373 человека, половина из которых тяжело больны. Все, кто может стоять без посторонней помощи, задействованы на ботанических работах. Боже, я не хочу так умирать...

ЧЕТВЕРТОЕ СЕНТЯБРЯ

– Рики, ну что там? – дрожащим голосом поинтересовался Ромов у вернувшегося начальника охраны.

– Этот урожай будет еще меньше, – снимая плащ и сапоги, ответил Джонс. – Грибок поразил четырнадцать кустов. Да и количество завязей снижено втрое, мы всё хуже и хуже опыляем.

– Черт побери, я же сам лично опылял эти чертовы пестики, – ругался из последних сил Ромов. – Почему все именно так?!

– Дело в нас, Александр, – ответила исхудавшая Маргарита Адамян, сидящая в инвалидном кресле.

– Ну, если не мы, то кто будет опылять кустарники?

– Мы – люди, Ромов, и мы не можем заменить природу, ее полный цикл. И чем мы слабее, тем мы менее внимательны, а значит, количество опыленных цветков падает – все просто. Еще пара месяцев, и мы умрем, не от голода, так от цинги, – с дрожью в голосе ответила Маргарита Анатольевна. – Боюсь, наш единственный шанс на спасение – это обратный путь. Надо бросать все и лететь домой.

– Я хочу домой, – чуть не плача произнес Ким Вонг. – Маргарита Анатольевна, Александр Федорович, Рики, я не хочу тут умирать, это не мой дом.

– И не наш тоже, Ким, – ответил Ромов. – Слышишь меня? Мы не умрем, я уверен, на «Омеге» делают все, чтобы связаться с нами. Там мой брат, он прилетит к нам, надо чуть потерпеть.

– Уже два года, как про нас забыли! – закричал Лодов. – О чем вы говорите, Александр Федорович?! Они кинули нас, и точка!

– Соблюдай субординацию, Иван, – тут же поправил его Джонс.

– Ничего страшного, Рики, – подойдя к изможденному астронавту, сказал Александр. – Сейчас мы все – просто люди. Нет начальников, нет починенных. Мы – люди, и мы не имеем права умирать. Я привел вас сюда, и я даю слово, что до последнего вдоха буду бороться за жизнь, за этот терминал и за каждого из вас, пока мы не победим. А если нам суждено проиграть, то я последний покину терминал.

– Спасибо, сэр, – посмотрев в глаза Ромову, прошептал Джонс.

– Простите меня, Александр Федорович, это всё нервы.

– Все нормально, Иван, все нормально, – сдерживая эмоции, ответил Александр Федорович и поспешил удалиться.

На конец шестого года строительства ситуация на орбите Марса была наихудшей: из одиннадцати тысяч сотрудников и рабочих терминала «Альфа» в живых осталось около трех тысяч человек. Люди находились на краю катастрофы. Ромов даже рассматривал план по эвакуации. Мысленно уговорив себя: еще одна потерянная жизнь – и мы летим домой. Но остав-

шиеся астронавты вопреки всему цеплялись за жизнь, каждый день совершая неоцененный подвиг на алтарь общей победы.

ЛУНА. ПРИЕМНАЯ ЛИГИ ГОРОДОВ СВОБОДНОЙ ЛУНЫ

Алексей Ромов за четыре года потери связи с братом исхудал и внешне резко постарел. Он обращался в суды, поднимал шумиху в прессе, требовал мировое правительство вмешаться. Но те привезли видеоотчет о том, что дорога к терминалу «Альфа» открыта, и всё, что говорится о пиратах, всего лишь чьи-то байки и провокационные сплетни. Впрочем, как только новые смельчаки с грузом отправлялись к Марсу, они исчезали в просторах космоса. Терминал «Альфа» был в блокаде, и чем дольше длилась эта осада, тем меньше шансов было застать в живых тех смельчаков, что полетели за Александром Ромовым к красным пескам.

– Господин Ромов, вас ожидает Амиро Лью Сан, – улыбаясь, предложила Ромову войти темнокожая секретарша.

– Спасибо, – пройдя в кабинет, ответил Алексей.

Амиро Лью Сан очень хорошо относился к братьям Ромовым: помимо экономических связей, двадцать пять процентов доходов Луны зависело от терминала «Омега». Глава лиги городов свободной Луны ценил противостояние терминала политическому строю Земли. Ромовы всегда подчеркивали никчемность расовой системы управления людьми. Цвет кожи, интеллект или сила не делают тебя господином над слабым.

– Дорогой Алексей, прими мои соболезнования, – тут же начал Амиро. – До меня доходят слухи, что твой брат в ловушке и надежды уже нет.

– Он жив, – сухо ответил Ромов и с какой-то особой злостью посмотрел в глаза главе лиги городов свободной Луны.

– Я не хотел тебя обидеть, прости, – Амиро даже встал из-за стола. – Может быть, ты не знаешь, но Земля крайне негативно настроена против вас. Та выходка с поднятием аренды и строительством нового терминала для Стива Мору стала личным оскорблением, а он такое не прощает.

– А откуда вам это известно? – удивился Алексей.

– Я на днях встречался с ним, – сев ближе к другу, начал Амиро, – и знаешь, что я понял? Пираты, блокада терминала «Альфа» – все это их рук дело. Мы поймали парочку кораблей, они собраны без опознавательной маркировки, экипаж – уголовники, причем те, что осуждены на пожизненные сроки. Руководят ими некто Гарри Байсон и Тоху (это, скорей всего, прозвище), матерые преступники. Причем, по ответным документам на официальный запрос, все они отбывают тюремные сроки на Земле, нам даже выслали видео с их распорядком дня.

– А если поднять шумиху в прессе? – тут же предложил Алексей.

– Не выйдет! Это всё слова без доказательств, – грустно посмотрев на собеседника, ответил Амиро. – А после официальных отчетов военных кораблей с Земли, которые добрались до «Альфы» и прилетели обратно, в пиратов никто не поверит. Это циничное по своей бесчеловечности видео: добраться до умирающих людей и не выйти с ними на связь. Я с ужасом смотрел этот отчет.

– Амиро, ты понимаешь, что там мой брат, – чуть не плакал Алексей. – Он может погибнуть!

Сорокалетний китаец долгие годы управлял лигой свободных городов, он был мудрый справедливый политик, который понимал непреложную истину: умирая, человек не заберет с собой нажитого богатства, и в космосе или на луне этот аргумент приобретал очень четкий вид. Хрупкость человеческой жизни в абсолютно непригодных для жизни условиях, как вознесенный меч, остужали чрезмерные амбиции людей у власти. Наверно, поэтому Амиро, встречаясь с Ромовым, старался найти решение, а не выразить сочувствие.

– Я долго думал, как можно помочь Александру.

– И как?

– Боюсь, что этот вариант имеет слишком большую цену.

– Говори, – что-то могучее проснулось в голосе младшего Ромова.

Амиро подошел к рабочему столу и достал из ящика несколько электронных страниц. Подойдя к другу, он молча протянул их Алексею.

– Это план по отнятию космического терминала «Омега» у братьев Ромовых. У меня два дня, чтобы дать ответ. Думаю, ты понимаешь, что будет, если я отвечу отрицательно.

– Это невозможно! Они не посмеют этого сделать.

– Тебя убьют, Игоря отравят. В этом плане расписаны по секундам рабочие и выходные дни всей администрации терминала «Омега». И я тебе скажу: Земля это сделает. По отдельности вы слабы, Алексей! Нет Александра – нет братьев Ромовых, а, если быть честным, выжить четыре года в космосе без еды, воды и воздуха невозможно. Стив Мору прекрасно это понимает, поэтому план по захвату терминала на моем столе ожидает моего решения.

– И что ты будешь делать?

– Дам украсть тебе «Астру», – улыбнувшись, ответил Амиро. – «Астру-6»! Я как раз месяц назад установил на нее военный модуль, ну а робота-автопилота, по-моему, через час-другой уже поставят. Еда, вода, семена, запасы воздуха – все загружено, топливо залито. Осталось только угнать корабль.

– Прости, не пойму...

– Сейчас ты пишешь договор, что твоя доля терминала будет сдана в бессрчную аренду правительству Луны, а я приберегу этот козырь до того момента, когда терминал начнут разрывать на кусочки. В случае самого худшего сценария – вашей с братом гибели. А если все пройдет как надо и ты долетишь до Марса а потом расскажешь миру о том, что произошло на «Альфе», я верну подписанные документы.

– Допустим, дальше что?

– План по отъему терминала отдашь сыну Сашки. Пусть он прочтет, внимательно прочтет и запомнит на всю оставшуюся жизнь, что с Землей можно говорить только с позиции силы. Потом ты улетишь, и сын Александра станет мишенью номер один, – рассуждал Амиро. – И если я буду рядом, я не позволю прихвостням Мору запустить лапы в терминал.

– Значит, либо я, либо брат, – поняв все тонкости замысла Амиро, заметил Алексей. – И надо непременно украсть земной крейсер! Пираты меня не пропустят, но в этом и вся суть.

– Да, тут два варианта, либо они дадут свободный коридор либо будет бой! А вот жив ли твой брат, боюсь, ты узнаешь только по прилету на Марс. В любом случае тебе решать.

Мужество не требует криков на каждом углу, оно бесшумной тенью стоит за плечами человека перед ликом смерти, и в самую последнюю секунду, когда ты оборачиваешься в страхе, желая убежать от трудностей, мужество с улыбкой намекает на возможность выбора. И только в эти мгновения жизни открывается истинная сущность человека.

– «Астра-6», говоришь? – улыбнулся Алексей, подписывая договор аренды.

– У тебя ровно час.

– Мне хватит, – протянув руку другу, ответил младший Ромов. – Спасибо, Амиро! Береги племянника, береги Игорька. Я позвоню ему и все объясню. Он неглупый малый и все поймет.

– Договорились, – обняв друга, ответил Амиро и чуть слышно добавил: – Ты очень смелый человек. Я буду гордиться дружбой с тобой и с Александром.

Алексей одобритительно кивнул и обнял политика. Казалось, Ромов помолодел, его походка стала уверенной, а в глазах появился прежний блеск и азарт, с которым они с братом строили первый космический терминал. Путь, который показал Амиро, стал спасительным светом в кромешной тьме проблем. Ответный ход в шахматной игре, означающий только одно – игра ещё не окончена.

Строить жилые модули на луне начали ещё в XXI веке. Илон Маск, китайцы, русские, – все хотели быть первыми и почти параллельно создали автономную инфраструктуру на без-

жизненном спутнике. Под предлогом добычи титана и других редкоземельных металлов правительства разных стран тратили миллиарды на лунные программы. Технологии развивались, колонии росли, и после того как мир стал глобальным, мировое правительство принялось активно вмешиваться во внутренние дела лиги лунных городов, и жители спутника приняли единственно верное решение – полная автономия. В историю человечества вошла трехдневная война Земли с лигой городов Луны и последующая экономическая блокада. Однако это только способствовало развитию автономии, лунные поселения научились выращивать еду, обеззараживать воду и очищать воздух. Ограничения и изоляция поселений на спутнике привели к полной независимости и окончательному разрыву отношений. Так появилась лига свободных городов Луны.

Алексей неторопливо шел к отсеку отправки на Землю, разглядывая жителей мегаполиса на своем пути. Люди улыбались, грустили. Молодая парочка туристов нежно обнимали друг друга, разглядывая пепельно-серый грунт в иллюминатор. Служащие и сотрудники лунного терминала постоянно куда-то спешили с деловитым и важным видом. Детвора играла трехмерными игрушками в ожидании рейса. Их родители нервно перебирали электронные билеты и стерегли багаж. Тысячи людей прибывали и тысячи улетали на «Омегу» или к Земле. Одним словом, обычный будний день в лунном терминале.

На корабле, правда, никого не было. Он гордо дрейфовал на орбите Луны. Как потом выяснится, неизвестный за час до угона отдал экипажу приказ от имени главы правления покинуть борт корабля. Изюминкой плана Амиро являлся тот факт, что легендарный космический крейсер принадлежал мировому правительству, поэтому если пираты атакуют этот корабль, а никто не сомневался в этом, мировому правительству придется признать факт, что пиратство на рубежах между Землей и Марсом существует. А значит, будет запущен весь неповоротливый бюрократический механизм, и тогда уже сам Стив Мору ничего не сможет изменить и будет вынужден найти корабль, установить факт захвата и, как следствие, осудить и обезвредить преступников, поставить точку в загадочном и опасном деле о космических пиратах.

СОРОК ДНЕЙ СПУСТЯ

БОРТ КОСМИЧЕСКОГО КРЕЙСЕРА «АСТРА-6»

- Бизон, жилые и научные модули пусты, – отрапортовал по рации один из пиратов.
- Проверь оружейный отсек, – приказал главарь банды. – Кто-то же по нам стрелял?
- Хорошо, иду, – ответил Тоху.

Чернокожий здоровяк Гарри Байсон, одной рукой мог удержать корабельную импульсную пушку. Массивный подбородок, толстые губы, выступающие скулы и высокий лоб делали его похожим на великана. У него и прозвище подобающее – «Бизон». Сжимая в руках импульсную винтовку, он неторопливо направлялся в командный отсек корабля. Гарри пребывал в бешенстве – «Астра-6» оказала героическое сопротивление, уничтожив два корабля и повредив еще три во время пиратской атаки. Осторожно пробираясь по отсекам, Бизон лично захотел казнить капитана крейсера за такую неслыханную дерзость. Открыв командный модуль, он был поражен. Гарри готовился встретить сотню вооруженных до зубов астронавтов, но абсолютная тишина и пустота отсека настораживала.

– Тоху, – вышел на связь Бизон, – просканируй корабль на наличие бомбы, нутром чую – это ловушка америкашки с Земли. Он хочет от нас избавиться.

– Хорошо, – ответил его напарник с дрейфующего рядом с «Астрой-6» космического корабля. – Ты нашел кого-нибудь?

– В том-то и дело: корабль пуст.

– Не может быть, – ответил Тоху. – Роботы не умеют так стрелять.

– Да это я и сам понимаю, – буркнул Гарри, пытаясь разобраться в системе управления. – Кстати, автопилот заблокирован, по ходу, это просто торпеда, набитая провиантом и воздухом, и ее цель – долететь до Марса.

– Если эта торпеда долетит, америкашка упечет нас обратно по тюрьмам, – ответил Тоху.

– Это понятно, – согласился Гарри. – Сейчас меня больше интересует – кто вел огонь.

– Гарри, – раздался голос в рации, – я нашел труп нашего воина.

– Где?

– Вооруженный модуль, – ответил пират. – Мы во время боя пробили обшивку, и этот смельчак превратился в мороженое.

– Ничего не трогать, – приказал Бизон. – Я иду к вам, мне надо знать его имя.

Надев костюм, он вошел в оружейный модуль. Там, в импульсной установке крупного калибра, сидел насмерть замерзший Алексей Ромов. До последней секунды своей жизни он отчаянно нажимал на гашетку орудия. Его трогать не стали, по сетчатке глаза пираты установили личность и, удивленные результатом сканирования, покинули корабль, продолжая в свободном дрейфе плыть за «Астрой-6» к просторам Марса.

Уже вечером того же дня, хотя в космосе понятие «вечер» относительно, праздная удачное нападение, Тоху и Бизон все никак не могли расслабиться, уж больно непростой оказался этот крайний, как они думали, грабеж.

– Я тебе так скажу, Тоху, – хмельной, но с серьезным выражением лица, обратился к товарищу Бизон. – Не по силам нам эта рыбка. Надо взорвать корабль, забрать груз, вытянуть за голову Ромова приличный куш с америкашки и разбежаться.

– А куда бежать, Гарри? – допив ром, спросил Тоху. – Мы убили одного из владельцев терминала, второго держим в осаде. На Луне мы в розыске, а для Земли мы будем как кость в горле, когда все откроется. А от америкашки, если все получится и он отожмет порт на орбите Марса, нам вообще некуда будет бежать.

– Ну, деньги-то надо забрать.

– Бизон, – как-то по-особенному посмотрев в глаза другу, начал Тоху, – мы много убивали, грабили, и я никого не жалел. Те люди были так, человечки, подлые продажные перекупщики. Я не помню ни одного из них, но после сегодняшнего боя во мне что-то сломалось, понимаешь, мы убили смелого человека, хорошего человека. Ромовы были мечтателями, они стояли у истоков этого бума с освоением космоса, они дали миру мечту. Мечту побродить по другим планетам. Да и ты сам видел, он дрался как лев, не боясь ничего, один против двадцати кораблей, один против армии, Гарри!

– Видел, – грустно ответил Бизон.

– А его брат, – раззадорился Тоху. – Три года осады, а он жив! Ни ты, ни я и одной недели не прожили бы без еды, воды и воздуха в космосе, а он жив!

– Ты предлагаешь все бросить? – вполне серьезно спросил Бизон.

– Знаешь, почему мы его не победим? – нервно спросил Тоху и тут же сам ответил: – Мой дед был бригадиром в шахте. Под его руководством – сто двадцать человек, и однажды в шахте случился взрыв метана. Их и еще четыре бригады засыпало. Десять дней до них добирались спасатели, из бригады в живых осталось двенадцать человек и мой дед. И уже на поверхности, когда начальство и пресса стали спрашивать о том, как они смогли выжить в таких условиях, все как один сказали: «У нас был бригадир, он нам помог!»

– И к чему ты это рассказал?

– Я не закончил, – ответил Тоху. – А когда моего деда спросили, как ему это удалось, он сказал, что как только случился обвал, кто-то прошептал ему на ухо: «Не бойся, только дыши, двигайся, заставляй себя жить, и я помогу тебе. Я буду рядом, только заставляй себя жить». С моим дедом был Бог, Гарри. Как и с Александром Ромовым, все четыре года осады с ним был Бог, он на их стороне. И никто: ни америкашка со всеми своими деньгами, ни даже сам Мору не смогут его победить, потому что Бог на его стороне, сам Бог, Гарри. Этому терминалу суждено существовать, а Александру Ромову его построить. И Богу не важно, хотим мы этого или нет, так будет – и точка. Ромов уже заплатил за это кровью.

Байсон подошел к иллюминатору и взглянул на плывущий к Марсу космический крейсер «Астра-6». Гарри был бандитом, но он ценил мужество простых людей, он ценил преданность и презирал власть денег. Всю добычу он спускал на женщин, алкоголь и азартные игры. Байсон никогда не стремился стать богатым, реально понимая, что выбранный им путь когда-нибудь непременно закончится смертью.

И два безжалостных пирата дали клятву, что это была последняя пролитая ими капля крови во имя пиратства. «Астра-6» с грузом была отправлена к Марсу. Пираты, опустошив тайники с награбленным, решили разбежаться. Те, кто тайком вернулся на Луну, в скором времени попали в тюрьмы, и только немногие преданные Бизону и Тоху люди под видом торговцев осели сначала на терминале «Альфа», а впоследствии перебрались на Марс.

Но до этого оставались еще долгие месяцы полета космического корабля к красным пескам четвертой планеты от Солнца.

ТРЕТИЙ ГОД БЛОКАДЫ КОСМОПОРТ «АЛЬФА»

В кабинет главы охраны влетел дежурный по терминалу, он задыхался от волнения.

– Сэр, у нас проблема, – тут же начал солдат. – В старом ботаническом саду засорился вентиляционный канал, уровень кислорода упал на треть.

– Только этого не хватало, – ответил Джонс. – У кого электронные ключи от старого сада?

– Боюсь, что мы их не найдем, – подкатившись к терминалу видеонаблюдения, ответила Маргарита Анатольевна. – Но есть аварийные видеодатчики, мы можем просто посмотреть, в чем там дело.

Эта попытка оказалась провальной, обзор всех видеодатчиков заслоняла листва разросшихся деревьев. Вывод напрашивался автоматически: в вентиляционный отсек попали ветки и листья плодоносных деревьев, брошенных после создания «золотого сада». На совете решили сломать ворота в сад и устранить засор вручную. На демонтаж ушло три с половиной часа, и когда технику отвели на безопасное расстояние и в сад вошли люди, то, что они увидели, потрясло своим величием: земные яблони, груши, сливы были унижены спелыми и сочными плодами.

– Но как? – подбегая то к одному, то к другому дереву, удивлялся Лодов. – Как это возможно? – он сорвал яблоко и с жадностью съел его.

– Они не могли сами себя опылить, – произнес Ким.

– Логично, – согласился Джонс и заметил вдалеке небольшое деревце, которое только только отцветало.

Ким и Лодов подбежали к дереву и принялись изучать цветки.

– Они не изменились, – спустя время сделал вывод русский ученый.

– Но тогда как? Это невозможно, пыльца должна попасть на пестик, – ответил Ким.

– Она и попадает, – улыбнулся Джонс и сорвал один из цветков. – Смотрите, вот она, ваша пчела.

Внутри цветка сидел маленький муравей, который, почуяв опасность, тут же засуетился и принялся бегать по руке человека.

– Маленькая ты моя пчёлка! – радостно произнес Рики Джонс и чуть было не заплакал. – Все так просто и практически даром, без всяких усилий.

– Ну да, конечно же, – радовался Лодов. – В поисках еды муравьи добрались до цветков и на своем тельце перенесли пыльцу от тычинки к пестику. Господи, все так просто!

– У природы все просто, и без каких-либо усилий, – подметил Джонс и отпустил муравья. – Ким, дай рацию.

– Первый, первый, ответьте, – сделал запрос Джонс.

– Да, Рики, слушаю тебя, – ответил Александр Ромов.

– Александр Федорович, мы нашли еду, много еды, – говорил начальник охраны. – Вы не поверите: простые муравьи сделали это, они замкнули цикл. Мы спасены, Александр Федорович, мы спасены!

В ответ была тишина.

– Ну что вы молчите, база? – с силой сжимал в руках рацию Джонс.

– Я плачу, – сквозь слезы ответил Ромов, – Я плачу, Рики... Я плачу.

ДНЕВНИК РИКИ ДЖОНСА, НАЧАЛЬНИКА СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ ТЕРМИНАЛА «АЛЬФА»

«13 сентября 2243 г.

Все запасы провианта восстановлены на сорок процентов. Часть колонии муравьев была перенесена в «золотой» ботанический сад. Теперь мы выживем, я верю в это! Количество пораженных грибок плодов сократилось вдвое, мы не можем понять, из-за чего это произошло, но это радостная новость!

23 декабря 2243 г.

Урожай превзошел все ожидания. За пятнадцать месяцев ни одной смерти. Заболеваемость снизилась на семьдесят процентов. Мы продолжили строительство терминала.

30 сентября 2244 г.

Рождение первого ребенка в терминале «Альфа». Это девочка, вес – три килограмма двести грамм, рост – пятьдесят сантиметров. Назвали Евой. Семь женщин в положении. Боюсь сглазить, но у человечества появился новый дом, и кто бы мог подумать, что у нас это получится дважды. Из плохих новостей: «Омега» по-прежнему молчит».

ДНЕВНИК МАРГАРИТЫ АДАМЯН

«13 сентября 2245 г.

Я начала ходить и полноценно работать. Перечитала последнюю запись в дневнике (за двенадцатое сентября), и мне стало страшно. Я вновь вспомнила тот ужас и лишения, что пережили жители терминала «Альфа». Как хорошо, что у нас есть еда и воздух. Воду мы можем очищать и извлекать из отходов. Что еще нужно для жизни? Одно огорчает: «Омега» по-прежнему молчит. Но мы начали строить ракеты, скоро мы вернемся домой».

Маргарита, оторвалась от дневника и, подчеркнув слово «домой», закрыла страничку, при этом еле слышно прошептала: «Господи, спасибо за то, что был рядом! Спасибо!»

На следующий день «Астра-б» подошла к орбите Марса. А через месяц появились первые торговцы, пираты внезапно исчезли. Теперь уже ничто не могло остановить создание космического терминала на орбите Марса.

2246 ГОД. КОСМОПОРТ «АЛЬФА»

ОРБИТА МАРСА

– Дамы и господа! – обратился к присутствующим постаревший и похудевший Александр Ромов. – Я с гордостью перерезаю эту ленту и заявляю, что мы сделали это дважды! Это второй свободный кусочек Земли, где вами не будут править политики всех мастей и сортов. Космопорты «Альфа» и «Омега» – свободная территория, на которой не действуют законы третьей планеты. Празднуйте, господа, празднуйте!

После открытия Александр тут же поспешил удалиться, а банкет продолжался: шампанское лилось рекой! Мировые знаменитости и влиятельные бизнесмены, приглашенные на открытие, наперебой восхищались упорством семьи Ромовых. Вечер удался на славу. Правда, Александр после открытия так и не появился на публике. Поговаривали, он в последнее время болел, а тут еще гибель брата на «Астре-б», конечно, все сказывалось на душевном состоянии великого русского мечтателя, поэтому отсутствие на банкете ему простили. Гости то и дело подходили к иллюминаторам, любуясь видом величественного Марса. Многие были тут

впервые и, конечно, не задумывались, что лишь ценой тысяч жизней первопроходцев, погибших при строительстве космического терминала, человечеству открылась безопасная дорога к красным пескам. Сто дней полета отделяли два терминала друг от друга. И сейчас перелет казался простым и безопасным. Но никто кроме Александра не знал истинную цену этой безопасности, и может, поэтому он так и не вернулся на банкет? До конца своих дней Александр будет помнить лицо каждого, кто отдал жизнь, чтобы создать это чудо человеческой мысли в безжалостном и безжизненном космосе.

– Оксаночка, – чуть слышно прошептал в селектор Ромов, – разыщи мне сына и всех моих замов.

– Конечно, Александр Федорович, – ответил приятный женский голос. – Что-нибудь еще?

– Нет, только это распоряжение.

Ромов вышел из-за стола и по привычке стал мерять шагами кабинет. Дубовый паркет слегка поскрипывал под ногами, ему это нравилось. «Под скрип лучше думается», любил говорить он. Планы на будущее просто распирали его сознание, хотя он и понимал, что нужен отдых, но десять лет ежедневного труда выработали привычку, в которой мысль об отдыхе уже казалась чем-то диким, неприемлемым. Единственное, что позволил себе Александр – выкурить сигару и открыть коллекционный коньяк, они с братом договаривались попробовать его, когда строительство закончится, и бережно хранили до этого дня. Вошедший сын так и застал его с бокалом коньяка в руке и тлеющей сигарой во рту.

– Пап, врачи же запретили тебе курить, – первое, что произнес вошедший в кабинет сын Ромова.

– Ничего, Игорек, жить тоже порой вредно, – ответил Александр Федорович и с особым наслаждением сделал глубокую затяжку. – Ты проходи, налей себе выпить, помяни дядю Эдгара.

– Тот самый коньяк?

– Тот самый, сынок, тот самый, – ответил Александр Федорович.

Тут в кабинет, постучавшись, вошли два заместителя директора космопорта «Альфа». И через минуту неисправимый трудоголик Александр Федорович Ромов начал совещание.

В этот вечер, хотя в космосе понятие «вечер» относительно, эти четверо, можно сказать, решили судьбу Марса. Глава «Альфы» предложил ввести регулярные пассажирские рейсы между Луной и Марсом, при этом был направлен запрос на снятие запрета на исследование поверхности красной планеты. Земля отреагировала незамедлительно: начала грозить санкциями, арестами земного имущества, на что Ромов распорядился аннулировать контракты и выдворить представителей всех государственных структур из космопортов. Трудно поверить, но глобальное правительство даже хотело силой захватить власть на «Омеге» и «Альфе». Все попытки закончились десятками смертей сотрудников земных спецслужб. А люди, игнорируя все земные законы, летели на Марс в надежде найти свой самородок. В те годы и началась золотая лихорадка, люди богатели за одну поездку, хотя многие и не возвращались. Но ведомые жаждой золота старатели не думали о рисках и опасностях красных песков, они желали золота, которого на Марсе было с избытком.

Шли годы, переговоры сменялись переговорами. Параллельно Игорь Ромов делал все, чтобы золотая лихорадка на Марсе разгоралась с большей и большей силой. Он закрывал глаза на частные спуски на планету. Он даже сделал семидесятипроцентную скидку на рейсы Луна – Марс. И уже через три года Земле ничего не оставалось, как разрешить частным лицам добычу золота. В противном случае правительство рисковало полностью потерять контроль над планетой. Старатели стали формировать группы, добыча велась все более организованно. Строились временные базы, налаживалась инфраструктура. Пустыни Марса обрастали человеческими постройками золотоискателей.

В это же время на Земле от сердечного приступа скончался Стив Мору. Уничтожение терминалов стало последней волей политика, но этот приказ так никто и не выполнил, посчитав слова предсмертным бредом. Мору умер с именем Александра Ромова на устах, умер на две минуты раньше старшего Ромова. Судьба и тут сурово подшутила над политиком. Он так и не смог победить, как он считал, обычного гражданина планеты Земля.

ЗА ГОД ДО ПОСТРОЙКИ ЗОЛОТОГО ГОРОДА ЛУНА. КЛАДБИЩЕ

Широкими «лунными» шагами, больше напоминая прыжки, астронавт держал путь к лунному кладбищу, расположенному на темной стороне Луны. Там в склепах нашли последнее пристанище те, кто не пожелал, чтобы его прах развеяли по просторам необъятного и холодного космоса.

Войдя в фамильный склеп Ромовых, Игорь заплакал. Многое пришлось пережить за годы давления со стороны земного правительства, всего уже и не вспомнишь. Но он выстоял, не сломался. Его отец умер почти сразу после запуска терминала «Альфа» на полную производственную мощность, но дело Ромовых продолжало служить человечеству.

– Мы сделали это, папа, – положив электронный номер «Глобал Ньюс» на мраморный столик, прошептал Игорь. – Ты, я, дядя Леша, мама, твоя команда ученых – мы все сделали это! Земля сдалась!

Игорь говорил это и плакал, а на первой полосе газеты красовалась бегущей строкой новость дня: «Мировое правительство разрешило добычу золота на Марсе! Золотая лихорадка началась! Все на Марс, люди! Все на Марс!»

Глава вторая. Город в песках

Цвет Марса

ЗЕМЛЯ, 2195 ГОД

ЗА СОРОК ПЯТЬ ЛЕТ ДО ПОСТРОЙКИ ЗОЛОТОГО ГОРОДА

КАБИНЕТ ВРАЧА-ГЕНЕТИКА ТОРУ КОТО

Она появилась в его жизни почему-то именно в четверг. В тот день шел дождь. Работы было много, электронная медсестра вот-вот могла перегреться и зависнуть, и это еще больше раздражало, а люди все шли и шли на прием нескончаемым потоком.

– Добрый день, можно войти? – смущаясь, спросила женщина средних лет с короткими каштановыми волосами.

– Вы записаны? – не поднимая глаз, поинтересовался Торю Кото.

– Нет, – ответила женщина и вошла в кабинет.

– Тогда, извините, я очень занят, – посмотрев на посетительницу, раздражённо ответил профессор Торю Кото.

– Я по поводу работы. Я – Сьюзен, вам должны были сказать, – попыталась оправдаться женщина. – Вам же требовалась медицинская сестра? Я из агентства по подбору кадров, они сказали, что эта вакансия еще не занята.

– Повторите ещё раз, как вас зовут?

– Сьюзен Рэд. У меня два диплома, я окончила высшую школу помощи больным, есть стаж работы.

Профессор Кото замороженно слушал Сьюзен, что-то внутри ему говорило: «Не смей только влюбиться в эти голубые глаза и милое личико!», но он слушал ее голос, смотрел в глаза, улыбался, когда она улыбалась ему, и ловил себя на мысли: «Как же она прекрасна и сексуальна, его маленькая Сью!». Чуть ниже ростом, короткие темные волосы, заразительный смех и эта покоряющая с первого взгляда улыбка, Сьюзан хотела понравиться потенциальному работодателю, она была немного скованна и зажата, не каждый же день идёшь устраиваться на работу к профессору с мировым именем, но этой капельки стеснения и природной харизмы с головой хватило для вспыхнувших эмоций в сердце профессора Торю Кото. Вот поэтому здоровый голос разума всё твердил и твердил: «Не смей только влюбляться в эти голубые глаза и милое личико, Торю, не смей!»

– Новый пациент, – электронный голос робота-медсестры, словно гудок поезда, вернул Торю Кото в сознание: – Новый пациент! – оповещала электронным голосом машина.

– Что ж, Сьюзан. – сказал он. – Вы приняты, но с одним условием: если согласитесь приступить к выполнению своих должностных обязанностей прямо сейчас.

– О'кей, – с легкостью приняла решение она и тут же села за рабочее место.

Последний пациент в тот четверг был принят за пять минут до закрытия центра генной инженерии. День был трудным, но Торю Кото ни капельки не устал, ибо в тот день в его жизни появилась Сью.

Сью Рэд быстро вникла в рабочий процесс, научилась всему, что требовал профессор Кото, и уже через месяц услуги электронной медсестры-робота были не нужны. Сью, как говорится, была на своем месте. Она понимала и угадывала желания профессора по мимике. Работа медсестры не такая сложная, но большой объём однообразных и рутинных процедур требовал постоянного контроля, со временем Сью даже изменила некоторые манипуляции, упростив их, так появилось свободное время для разговоров, перерывов на чаепитие. Так же поступал и

Торо: он пытался сделать работу быстрее, оставляя освободившиеся минуты для диалога двух сердец.

– Может, поужинаем? – в перерыве между клиентами неожиданно спросил Тору. – Жена с дочкой уехали. Я свободный человек!

– И во все тяжкие, – подметила Сью.

– Что мне нравится в тебе, Сью, так это твоя искренность в мыслях, ты говоришь то, что думаешь, – заполняя электронную историю болезни, сказал Кото.

– Я просто говорю правду, Торо, – неожиданно очень серьезно посмотрела на него Сью. – Нельзя так поступать. Еще предложи заняться любовью на супружеском ложе.

– А что тут такого? Это же просто постель.

– Так нельзя! Я не хочу на чужом горе строить счастье.

– Что ты хочешь? Чтобы я бросил семью? Ты же не хочешь меня делить еще с кем-либо...

– Нет, Торо, мне не нужны проклятья твоей жены, пусть всё идет как идет.

– Я пробовал, но не могу тебя игнорировать, не замечать. Сью, я хочу тебя! Хочу трогать твою кожу! Хочу молчать, смеяться, грустить да даже платать рядом с тобой. Хочу просто быть, а прикосновения... Прости, я ничего не могу поделать. Я понимаю, что нельзя, и мы рушим наши счастливые семьи, но я хочу тебя, это эгоистично, но это именно так, – он подошел и обнял ее.

– Я тоже хочу, – она дотронулась до его губ пальцем и чуть слышно добавила: – Но рушить семьи – Харам.

– Хм, – усмехнулся Кото. – Как же это трудно, любить двух женщин одинаково сильно?

– Не трудно, – прошептала Сью в объятьях Кото. – Главное – не портить карму. Если мы разрушим наши браки, это разведет наши души навсегда.

– Ты так сильно веришь в эти глупости с переселением души? – с иронией спросил Торо.

– Тебе бы тоже стоило поверить, – еле слышно добавила она и нажала на кнопку вызова нового пациента.

На пороге кабинета стояла молоденькая парочка. Это были Сара Рови и Араки Тосу. Они неуверенно прошли и скромно сели на диван.

– Добрый день, доктор, – первым заговорил Араки, – мы пришли на прием по поводу генотипа ребенка. – Мужчина заметно нервничал.

– Да, я понял, – недовольно глядя на медсестру, произнес профессор. – У вас на какое время запись?

– Они вовремя. Вот их электронная карта, доктор, – невозмутимо ответила за пациентов Сью.

– Спасибо, – сквозь зубы буркнул Торо, и открыл их электронную историю генотипа.

Прошло несколько минут, прежде чем профессор, совладав с эмоциями, вникнул в суть проблемы пациентов. Он задумчиво вглядывался в результат исследования. Что-то шептал, поглядывая на мужчину и женщину. Потом снова погружался в мыслительные расчеты.

– Жаль, – неожиданно заговорил он. – Даже если мы почистим все дефекты ДНК, процент нездорового потомства очень велик – семьдесят шесть процентов.

– Ну, это же не сто, – с какой-то долей надежды возразил мужчина.

– Это больше половины, это почти две трети, господин Тосу, – с неподдельным чувством сочувствия сказал профессор. – И это очень большой риск с точки зрения генетики.

– Хорошо, я все понял, – вскочив, резко произнес Араки. – Спасибо за помощь! Мы уходим, Сара, – поклонившись, он с силой схватил ошарашенную жену за руку и поволок вон из кабинета.

Пациенты, их судьбы, решения, порой положительные, порой негативные. Тору Кото даже не задумывался над тем, что его слова могут что-то значить в жизни других людей, он просто выполнял врачебный долг: исследовал, ставил врачебную задачу и успешно решал её,

как его научили в академии, и ему все это казалось чем-то обыденным. Просто работа, да, с людьми, но работа.

– Двадцать – это большой процент, – когда пациенты ушли, с укором в голосе заговорила Сью.

– Их дети обречены на смерть в шестнадцать лет, – недовольно буркнул Тору. – Зачем мучить себя пустыми надеждами?

– А вдруг ты ошибся, и ребенок попадет в эти двадцать процентов нормы, – не успокаивалась Сью.

– А я смотрю, ты на досуге окончила академию и стала генным инженером, – съязвил Тору. – Генетика, как математика, наука точная, и если она говорит «нет», то это не «наверно», не «посмотрим», а «нет». Поэтому, когда я говорю пациентам «нет», я делаю это не просто так, а научно обоснованно.

– Ты видел ее глаза? – продолжала спорить Сью.

– Понимаю, сложно. Но потерять ребенка потом, когда он будет жив – еще сложнее.

– Мы не можем этого знать, Тору! Самая большая человеческая глупость – это мнить себя Богом. Мы не знаем, что нас ждет завтра, а прогнозируем жизни других людей, – оставшись при своем мнении, Сью вызвала нового пациента.

Тору с ещё большим раздражением посмотрел на нее, но, когда дверь открыла очередная семейная пара, он заставил себя улыбнуться, и прием пациентов продолжился.

Конечно, в голову Тору Кото закралась доля сомнения. Сью всегда заставляла серые клетки его мозга шевелиться. Поначалу он сопротивлялся, даже более, ему это не нравилось, так как он привык к размеренному ритму работы по типовым шаблонам и готовым алгоритмам, где вот это – хорошее, а вот то – плохое. И тут такой разрыв логики. Сью ломала все стереотипы, она каждой клеточкой своего разума говорила, что нет плохого или хорошего, и нельзя применять для всего типовой алгоритм действия. Её представления о жизни были иными. «Есть только предмет или действие, а все остальное – наше отношение, и оно – только у нас в голове». Она словно чувствовала истину вещей и суть поступков людей, за всем пафосом цифр и научных утверждений. И если Тору видел в людях генетический код, то Сью Рэд видела их человечность, с трудностями в жизни, мечтами, грустью или счастьем.

Наверно, этой неординарностью она и покорила сердце Тору Кото. Он влюбился так же сильно, как в юности, когда в медицинском институте увидел будущую супругу. Его голубоглазая шатенка Нэтони только вошла в аудиторию, а он уже понял, что проживет с ней жизнь. Тридцать пять лет в браке, пятеро детей, двадцать внуков, счастливая семейная жизнь без лжи и притворства, но новые эмоции сводили его с ума, сильные, честные в своем желании не навредить семьям, и страстные в биохимии тел. Тору даже подумывал развестись, потребуй того Сью. Но Сью молчала, она любила его так же сильно, как и он. У нее тоже семья, дети, любящий муж. И как спрятать новые отношения в прежних семьях? Впрочем, Тору и Сью считали себя любовниками, все рабочее и немного свободного времени они тратили на тайные чувства: смеялись, говорили, грустили и даже молчали порой. Безумный секс, свидания украдкой в мотелях, подстроенные командировки с ночными совещаниями – все и во всех оттенках. Но при этом за восемь лет такой жизни Тору ни разу не поцеловал Сью в губы, она чувствовала это и не настаивала на поцелуях. Он жил с ней и с женой, даря им обоим радости обычной семейной жизни, но при этом не смел привести Сью к себе домой, разделив с ней супружеское ложе. Так же поступала и она, вначале она боялась в постели назвать супруга другим именем, а он боялся перестать желать супругу. Но время расставило все на места. И они научились жить в этих нетипичных отношениях. Странная была связь, необычная, но Тору и Сью научились наслаждаться без желания обладать, и при этом их семьи стали ещё крепче, это был их кармический парадокс. И главное – эту тайну знали только двое: мужчина и женщина, и может, поэтому связь просуществовала так долго.

– А ты можешь отказаться от этих ночных смен? – однажды за семейным ужином поинтересовалась Нэтони. – Тебе уже пятьдесят восемь, и это тяжело – всю ночь на ногах.

– Надо учить Адель, – ответил Тору.

– Только не говори, что ты работаешь ради денег, – улыбаясь, заметила Нэтони.

– Естественно, – Тору даже немного побледнел от мысли, что его жена о чем-то догадывается. – Только деньги, но если ты хочешь меня видеть на два дня больше, чем обычно, то я могу отказаться от ночных смен.

– Я просто подумала, а не тяжело ли тебе? – собирая посуду со стола, пояснила Нэтони.

– Я уже привык, – улыбнулся Тору и помог сложить грязные тарелки в посудомоечную машину. – Но если ты хочешь, я откажусь, – обняв супругу, прошептал он. – Будем больше ночей проводить вместе.

– О нет, ты меня и так замучил своим желанием близости, – кокетливо подметила супруга.

– Значит, завтра пишу заявление на увольнение, – обнимая жену, пошутил Тору. – А то, как я вижу, твое сердце нуждается в уходе.

– Так, спокойно, профессор Тору Кото! – игриво заметила Нэтони. – А то вы перевозбуждены, профессор. Вы выпили таблетки на ночь?

– Ты – моя ночная таблетка, – поцеловав жену в губы, прошептал он.

– У тебя что, сегодня нет ночной смены?

– Так, женщина, бросай кухню на меня и бегом в душ, – скомандовал Тору. – Через десять минут твоя ночная смена начинается, и не вздумай опаздывать, начальство этого ой как не любит.

– Я подумаю, – кокетливо произнесла Нэтони и, женственно покачивая бедрами, ушла в душ.

На следующее утро Тору Кото уехал в командировку с бессменной помощницей – Сью Рэд. Так они и жили до глубокой старости.

Супруга Тору Кото умерла на семьдесят втором году жизни, пожилой профессор целый год носил траур по любимой, он похудел, очень плохо питался, почти перестал следить за собой. Этот год без Нэт стал самым тяжелым в его жизни. Каждая секунда без любимой казалась минутой, каждая минута – часом, а часы – даже не днями, а неделями беспробудного ожидания. Конечно, с ним рядом постоянно были дочери, внуки, а по выходным и праздникам – правнуки, но мысли о предстоящем одиночестве преследовали, не давая покоя. У Сью своя семья, и он не имел право вторгаться и рушить её брак, поэтому обреченный на одиночество Тору Кото мечтал об одном – поскорей бы прожить отведенное ему время.

«... Урэн Рэд умер в вчера 18:00 от инсульта, многочисленные родственники и вдова Сью Рэд скорбят о скоропостижной гибели хорошего человека...» – однажды утром, прослушивая новости, случайно наткнулся на этот некролог Кото.

Он в это время пил кофе в окружении дочерей.

– Этот Урэн Рэд, случаем, не муж твоей медсестры? – неожиданно подметила младшая дочь Сара.

– Наверное, совпадение, – трясущейся от волнения рукой Тору поставил чашку на стол и как-то засуетился. Он зачем-то взял электронный номер газеты, выключил озвучку новостей и про себя очень внимательно перечитал некролог, причем дважды. Потом с каким-то особым блеском в глазах залпом допил кофе и со словами «Мне надо идти» поспешил в ванную.

Там он побрился, впервые за последний год надел парадный костюм и уже на пороге дома под ошарашенные взгляды дочерей обернулся, попытавшись объяснить свое поведение:

– Все хорошо, вы не переживайте! У меня осталось маленькое дело в этой жизни, – сквозь нахлынувшие эмоции, с трудом сдерживая голос от срыва, сказал Тору. – Сара, Анэт, не волнуйтесь, все будет хорошо.

– Па! – уже возле порога окликнула его старшая дочь. – Хорошо выглядишь.

– Спасибо, Анэт, – ответил он и впервые за долгое время улыбнулся.

Выйдя во двор, он встал на биофон, новомодное средство передвижения, и, задав выученный до буквы маршрут, поспешил к дому Сью.

Проникая через запыленные энергосоты, отделяющие дорогу от тротуара, теплые лучи солнца не обжигали, как летом, а грели. Летающие машины, носились по воздушным магистралям. Легкий ветерок тревожил макушки кленов, и на тротуар, кружась, падали разноцветные листья. И это буйство красок оранжевого, красного и грязно-зеленого на черном фоне почвы заявляло о правах природы на осенний отдых после жаркого лета. Сделав букет из листьев, Тору позвонил в домофон, там на пятом этаже в шестьдесят восьмой квартире жила его малышка Сью. Руки дрожали от волнения.

– Сью, выходи! Слышишь меня? Выходи за меня замуж! Да, я стар, но я не хочу умирать в пустой постели, – не дождавшись ответа в домофоне, закричал Тору.

– Мужик, она вышла замуж и переехала, в прошлый четверг, – услышался грубый раздраженный бас в динамике домофона. – Извини, братан! Ты опоздал.

– А куда?

– Не знаю. Я недавно купил эту квартиру. Извини друг, ничем не могу помочь.

– Да конечно, простите меня за беспокойство, – выключая связь, прошептал он.

Когда в груди Тору появилось жжение, он догадался – это начало конца. Он намеренно не стал принимать таблетки, лежавшие во внутреннем кармане. Присев на порожек дома и жадно вдыхая воздух, Тору попытался успокоиться.

– Какой хороший день для смерти... Жаль, дочки не знают, где я, – прошептал он и закрыл глаза.

Он почему-то всегда думал, что в последний миг жизни все прожитые годы должны уложиться в хронометраж и, словно в кино, пронестись за секунды: моменты счастья, моменты горя и годы монотонной работы. Словно итог прожитого и потраченного времени. Но ничего этого не было, лишь одна фраза из прошлого ворвалась в сознание.

Это было перед рассветом. В одну из тех ночей, которые Сью и Тору провели, не сомкнув глаз, наслаждаясь биохимией влюбленных тел.

– Сюзен, выходи за меня, давай я разведусь, все оставлю детям, и мы убежим. Куда угодно! Только скажи «да»!

– Так темно бывает перед рассветом, – подойдя к окну, еле слышно прошептала она, словно не замечая только что озвученного предложения любимого.

– Ну, так что? – подойдя к ней, настаивал Тору.

– Увидимся лет через двести, – очень серьезно прошептала Сью.

– Еще скажи – не на этой планете, – отпустив ее руку и перестав смотреть в глаза, иронично подхватил Тору.

Они много раз обсуждали вопрос открытости отношений. И надо отдать должное мудрости Сью, у которой хватало мужества не брать чужого. И каждый раз, когда в голове Тору происходило очередное обострение, и он эмоционально выбирал одну из двух женщин. Сью все переводила в шутку, четко давая понять, что не позволит разрушить семьи.

– А может, так и будет, – очень серьезно произнесла она, коснувшись обиженного Тору.

– Ага, на Марсе, – с ноткой издевки тут же подхватил профессор.

– Может, и на Марсе, – улыбнулась Сью. – Я найду тебя и скажу, как темно бывает перед рассветом.

– На Марсе? – рассмеялся Тору, при этом не отводя глаз от ее серьезного лица, и чем серьезнее она становилась, тем тише становился его смех. – Там же только золотые рудники и старатели – это мертвая планета. Ладно, я понял, что пока не время рушить семьи для нашего

счастья. Но можно же просто сказать, что еще не время, зачем весь этот несмешной юмор с Марсом?

– Это не юмор, – обняв его, прошептала Сью. – Такими вещами не шутят.

Он не стал спорить, доказывая, что наука категорична к понятию «душа» и, как следствие, к кармической связи. И лишь покрепче обнял любимую, мысленно согласившись: пусть будет Марс, и что такое двести лет для души – мгновение. Узелок был завязан, и договор между двумя любящими душами подписан.

И, умирая, он улыбнулся ожившей в памяти фразе: «Так темно бывает перед рассветом».

Сью Рэд узнала о смерти известного ученого-генетика из прессы. Тору кремировали. Урну с пеплом захоронили на городском кладбище рядом с другими заслуженными гражданами города.

Сью прожила еще двадцать лет. Она, действительно, после смерти супруга, в тот же день продала жилье и переехала к дочери. Накануне её дочка вышла замуж, а через месяц родила мальчика. Новоиспечённая бабушка, продав всё имущество переехала к дочке. Новый владелец просто перепутал женщин, он подумал, что Тору искал дочку, а не маму. Чувство вины не покидало Сью до конца жизни, и каждый раз в день смерти возлюбленного она просила прощения за то, что своевременно не предупредила о переезде.

ДВЕСТИ ЛЕТ СПУСТЯ

МАРС. СЕВЕРНАЯ ЧАСТЬ АТЛАНТО. ОРАНЖЕРЕЯ АЛЬФА РОСУ

Альф проснулся в 4:30. Вглядываясь в предрассветный горизонт, он вытер проступившую на окне оранжерей росу, чтобы видеть маленький диск солнца. Пепельно-розовое небо сменило звездное полотно марсианской ночи.

– И да будет день, – дорисовав улыбку на окне, сказал он.

Электронная сигарета, купленная на Земле, так и просилась в рот, земная привычка всё больше порабощала, Альф наспех сделал пару затяжек, пытаясь быстрее накуриться. Голова кружилась, но, прищурился и совладав с легким головокружением, он ещё раз улыбнулся и мысленно добавил: «Все будет хорошо! Надо взять себя в руки и повернуться!» Кончик сигареты имитировал винтажные папиросы, Альф даже засмотрелся на тоненькую стройку сизого дыма, поймав себя на мысли, что он боится обернуться и посмотреть на свои цветы.

Одним годом ранее.

– Я слушаю, – ответил на звонок Альф. – Груз доставлен? Хорошо, сейчас подъеду.

Тонна ценного груза с Земли долетела до красной планеты без проволочек и вовремя. Все луковицы тюльпанов сохранились и дали небольшие побеги. Амбициозный Альф Росу хотел открыть собственное дело. Ему казалось, что марсианским пескам не хватает красок земли. Да, люди зацепились, приросли к безжизненному Марсу, построили города, создали полноценную колонию, но правительственные цвета, синий и серый, в сочетании с оттенками желтого и красного в песках планеты, не радовали глаз. Идея выращивать цветы на планете, где почвы практически нет, да и условия, мягко говоря, непригодные, во-первых, затратная, а во-вторых, непонятно как поведут себя земные растения в условиях низкой гравитации Марса. Но Альф рискнул.

– Деньги я перевел, – подписывая электронный счет, сказал он.

– Рады стараться, – улыбнулся седой старичок, пряча электронную бумагу в портфель. – Можно вопрос, молодой человек?

– Да, конечно, – внимательно посмотрел на него Альф.

– А зачем вам столько луковиц?

– Буду продавать цветы.

– Я, конечно, слышал о здешних богатеях, но, даже по грубым подсчетам, одна луковица обошлась вам в десять золотых. Умножьте это на затраты с посевом, поливом и временем

для всходов, и получится еще десять золотых, – рассуждал поставщик. – Двадцать золотых монет за один цветок голландского тюльпана, даже по меркам Марса, очень дорого.

– Пусть так, – немного обиженно заявил Альф, – но я уже сделал первый шаг.

– Мы просто тут с другом хотим заключить пари на ваше дело, – немного смущаясь, сказал старичок. – Вы меня простите за такие подробности. Мой коллега, он, честно, не верит в эту затею с цветами, а я сомневаюсь. – объяснял он. – Как думаете, стоит принять пари?

– Ставьте на меня, не пожалеете.

Аккуратно проверив каждый биоконтейнер с луковицами и, погрузив их в марсоход, Альф отправился к заброшенным ангарам северной части города. Эти строения возвели еще первые старатели. И долгое время крытые бараки попросту пустовали, по праву гражданина Марса он выкупил землю под ними, а на оставшиеся деньги оборудовал постройки под оранжерею.

Родители Альфа Росу перебрались на Марс еще молодыми, но долгие годы работы для получения гражданства изрядно подорвали здоровье. В пятьдесят лет из жизни ушел отец Альфа, через год умерла и мать. Тогда парню было всего семь, и он являлся гражданином Марса по праву рождения, государство долгие девять лет воспитывало и возвращало в паренёчке мужчину, а когда срок пребывания в детском доме подошел к концу, его отпустили в свободное плавание. И рыжеволосый голубоглазый юноша отправился во взрослую жизнь.

Первое, что сделал Альф, он полетел на Землю. В детском доме им часто показывали фильмы о колыбели человечества. Голубая планета покорила его с первого взгляда, Альф понял, что не хватит и жизни побывать во всех уголках этого рая: песчаные пляжи и лазурная вода океанов, белый цвет и холод Арктики, черно-зеленая Европа весной, пряность Азии и сладкая удушливость Африки – тут даже пустыни были божественно красивы. Конечно, Земля потихоньку увядала, и все эти уголки флоры и фауны встречались в заповедных зонах, но для того, кто вырос в песках Марса и, кроме жилых модулей и декоративных деревьев в квартале богатых граждан, ничего не видел, земное разнообразие казалось раем.

Альф провел на Земле десять лет, изучая флору и фауну, путешествуя по миру и подумывая остаться, но Марс приходил к нему во сне. Эта бездонная тишина планеты была невозможна на Земле. Не было минуты в сутках, когда буквально все замирало, переставая даже дышать, поначалу Альф не мог спокойно спать из-за этого. Ему не хватало тишины Марса.

За десять лет на счету марсианина Альфа Росу скопилась приличная сумма. По закону планеты любой гражданин получал процент с каждой добытой унции золота. Так что, когда он вернулся на родину, эта куча денег поначалу его шокировала, но решение нашлось. Он купил тюльпаны.

Вечером в его модуль пришел Рон – соседский паренек. Они дружили, хотя назвать полноценной дружбой беседы о Земле взрослого мужчины за тридцать и юного школьника тринадцати лет вряд ли можно. Это больше походило на отношения отца и сына. Альф по-особенному относился к матери Рона, и, может, это объясняло некую привязанность к подростку.

– Ты все-таки их купил, – разглядывая крохотные луковицы, восхитился Рон.

– Сто сорок семь цветов и восемнадцать оттенков, – с гордостью сказал Альф. – Мне привезли практически все виды тюльпанов, какие можно встретить на Земле.

– А как ты поймешь, где какой цвет? Они все одинаковые на первый взгляд.

– В этом и состоит чудо, – принялся рассказывать Альф. – Представь, зеленый-зеленый колосок спустя время превратится в бутон: алый, розовый, красный, лиловый. Марс никогда не видел таких красок. Тут будет целое поле тюльпанов.

– А подаришь мне парочку этих, как их там... тюльпанов? – нерешительно спросил Рон. – Я подарю их маме.

– Я подарю тебе охапку – столько, сколько сможешь унести, – радостно воскликнул Альф, обнимая паренька. – Нужно лишь чуть-чуть подождать, и сама матушка-природа сотворит нам это чудо.

Тут в дверь позвонили.

Альф тут же вернулся к реальности и серьезно посмотрел на Рона, а потом добавил:

– Ты Саре сказал, куда пошел?

– Нет, дядя Альф, – виновато опустил голову Рон.

На пороге стояла кареглазая шатенка, белоснежная кожа щек, узкий разрез глаз и винтажная прическа под каре. Нежная и женственная как внешне, так и в поступках, она всегда была жизнерадостной, но в этот раз в её взгляде царили паника и смятение.

– Добрый день, Сара.

– Рон у вас? – ели сдерживая эмоции, спросила она.

– Да, – насторожено ответил Альф.

– Мой муж пропал в золотоносной шахте. Случилось землетрясение, и его бригаду засыпало, – с дрожью в голосе сказала она. – Мне надо идти к спасателям, они говорят, что есть шанс их вытащить, пока не закончился кислород.

– Конечно, Сара, – ошарашенный новостью, произнес Альф.

– Вот еда и вещи Рона, покормите его и, если не трудно, встретьте завтра из школы, – попросила женщина.

– Да, конечно, я все сделаю, – взяв пакеты с едой и вещами, решительно ответил Альф. – Не волнуйтесь, можете оставаться в модуле золотоносной шахты столько, сколько потребуется. Я скажу Рону, что мама разрешила пожить у меня...

– Только не говорите ему об отце, – перебила его женщина. – Пока есть надежда, ничего не говорите.

– Конечно, – тихо ответил Альф, и она ушла.

Когда Альф снова увидел мальчика, тот, словно нашкодивший котенок, ожидал наказания, сидя на стуле. Но, увидев свои вещи, он радостно воскликнул:

– Мамка разрешила остаться на ночь!

– Да, Рон, и, может, не на одну, – еле сдерживая волнение, ответил Альф и, чтоб хоть как-то отвлечься от ужасной новости, тут же добавил: – Давай сажать тюльпаны.

– Ты меня научишь?

– Научу, Рон, научу.

На седьмые сутки поисков приняли решение о приостановлении спасательной операции. Все возможные сроки исчерпаны, и теперь надеялись найти хотя бы тела погибших. На восьмые сутки бригаду Олега Русова и еще шести старателей нашли мертвыми. По завещанию Олега кремировали, и урну с прахом отправили на Землю матери. Тринадцатилетний парнишка потерял отца, а Сара Русова – мужа.

Впрочем, жизнь продолжается, цинично звучит, конечно, но пока глаза видят, уши слышат, а сердце бьется в унисон пульсу вселенной, жизнь, несмотря ни на что, продолжается. Альф пришел к Саре первым, словно чувствуя, что она захлебывается от глубины пришедшего горя.

– Привет.

– Проходи, – открыв дверь, сказала женщина. – Я завтра заберу Рона. Прости, что принесла свои проблемы в твой дом.

– Я знаю, это может звучать немного несвоевременно. Но перебирайся ко мне жить, вместе с сыном.

Возникла неловкая пауза. Сара посмотрела в глаза Альфу. Она видела в нем соседа, друга семьи, друга ее сына, но никогда не видела в нем мужчину, который способен любить ее.

– Можешь не отвечать сразу, – первым нарушил молчание Альф. – У меня много пустых модулей, а вас с Роном после гибели Олега попросят освободить жилье для рабочих.

– Спасибо, Альф, я подумаю, – дотронувшись до его губ, сказала Сара. – Я сейчас не хочу говорить о будущем, прости.

– Я понял, извини, – ответил Альф и развернулся, чтобы уйти.

– Постой, – попросила Сара и обняла его. – Правда, спасибо за заботу. Она потянулась, чтобы поцеловать его в щеку, но Альф, то ли случайно, то ли намеренно подставил губы. Коснувшись губами его губ, она вздрогнула и отпрянула назад.

– Тебе пора идти, – потупив взгляд, прошептала она.

Но, закрыв за гостем дверь модуля, Сара еще долго вспоминала случайный поцелуй. В нем было столько страсти, что, казалось, прожитые годы в браке с любимым человеком померкли в одночасье. И это пугало ее совесть, ведь вот он, покойный муж, и еще не пролиты слезы, как жизнь подкинула новые чувства. Зачем? Почему сейчас? Ответа не было, только пугающая страсть и чувство вины, что она делает что-то не так, предавая память о любимом муже.

Вернувшись в оранжерею Альф не поверил глазам, всё было усеяно черно-зелеными побегами. Это была лучшая новость за последние тридцать лет его жизни. Красно-пепельный грунт и маленькие черно-зеленые ростки жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.